

Дик Фрэнсис След хищника

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121502
След хищника: Эксмо; М.; 2015
ISBN 978-5-699-81543-2

Аннотация

Расследуя случаи похищения людей – сначала в Италии, а затем в Англии, – частный детектив Эндрю Дуглас обнаруживает, что в этих преступлениях прослеживается определенная закономерность. Все похищенные так или иначе имеют отношение к миру скачек. Но едва Эндрю выходит на след умного и безжалостного преступника, как сам оказывается жертвой похищения...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дик Фрэнсис

След хищника

© Некрасова Н.В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

В Болонье творилось черт знает что.

Я стоял, из последних сил сдерживая бешенство и сумасшедшую тревогу, которые так и подталкивали меня сорваться с места.

Я стоял... а в это время жизнь, за которую я отвечал, другие бездумно подставили под удар. Я стоял среди руин почти достигнутого успеха, почти добытой свободы, почти обретенной безопасности.

Самой деликатной стадией любого похищения является передача выкупа, поскольку именно в момент получения денег преступник просто обязан засветиться... а он ведь осторожнее, чем идущий к водопою зверь в джунглях.

Одного-единственного подозрения, одного слишком пристального взгляда, одного блеска глаз достаточно, чтобы похититель сбежал, – а потом, исходя страхом и злобой, он может в отместку запросто убить. Ошибись полиция хоть на йоту – и опасность для жертвы возрастет стократно.

Алисия Ченчи, двадцати трех лет от роду, находилась в руках бандитов уже пять недель, три дня и десять часов, и она никогда не была так близка к гибели.

Энрико Пучинелли с угрюмой миной забрался в заднюю дверь фургона «Скорой», в которой сидел я. Точнее, это снаружи машина выглядела как карета «Скорой помощи» – на самом деле за ее затемненными окнами находились скамья, стул и уйма электронного оборудования.

– Меня не было, – сказал он, – я этих приказов не отдавал.

Он говорил по-итальянски, но медленно, специально для меня. Мы неплохо ладили, но, поскольку каждый знал язык своего собеседника не слишком хорошо, для общения нам требовалось время. Мы говорили друг с другом, старательно выговаривая слова, каждый на своем языке, внимательно слушали и переспрашивали, если было необходимо.

Пучинелли был офицером карабинеров и вел официальное расследование. Он был согласен с тем, что необходима чрезвычайная осторожность и что действовать надо как можно незаметнее. У виллы Франчезе, где бледный от страха Паоло Ченчи ожидал известий о дочери, не было видно никаких машин с деловито вспыхивающими мигалками. Ни единого человека в форме, откуда ни наблюдай. Покуда Пучинелли самолично держал дело в руках...

Он был согласен со мной, что в первую очередь следует думать о безопасности девушки и только потом о поимке похитителя. Не каждый полицейский способен так смотреть на вещи – удовлетворить охотничий инстинкт стражей порядка может только захват добычи.

Коллега Пучинелли, который дежурил в этот кошмарный вечер, вдруг понял, что очень даже просто может сцапать похитителя в момент, когда тот будет забирать выкуп, и не понимал, почему нужно держаться в тени. И в тот самый момент, который мы так тщательно и терпеливо подготавливали, в тот момент, когда все просто обязано было быть тихо и спокойно, он прислал сюда кучу народу с дубинками и зловеще уставленными в ночное небо винтовками. Крики, машины, сирены, полицейские в форме... целая наступающая армия во всей силе своего праведного гнева.

Я наблюдал за происходящим с другого конца улицы, из темной припаркованной «Скорой», с тошнотворным чувством бессильной ярости. Мой водитель, не переставая ругаться, завел мотор и медленно пополз к этой свалке. Мы оба ясно слышали выстрелы.

– Мне очень жаль, – официально сказал, глядя на меня, Пучинелли.

Могу поспорить, это было правдой. На полутемной задней улочке толклось жуткое количество карабинеров, не понимавших, что им нужно высматривать. К тому же свою добычу они уже и так упустили. Два человека в темном с чемоданом, в котором было шесть-сот пятьдесят тысяч фунтов, сумели добраться до спрятанной машины, завести мотор и сняться с места прежде, чем слуги закона их заметили. К тому же внимание карабинеров, как и мое собственное, гораздо сильнее занимал молодой человек, вывалившийся головой вперед из машины, которая все время была у всех на виду, – в ней на эту сорванную встречу привезли выкуп.

Молодой человек, сын адвоката, был тяжело ранен. Я видел алое пятно на его рубашке, видел, как слабо подрагивает его рука. Я вспомнил, каким он был веселым и уверенным, когда мы с ним разговаривали перед нашим выездом. «Да, – говорил он, – я понимаю опасность, да, я буду в точности следовать инструкциям, да, я буду держать со «Скорой» связь по радиии прямо из машины!» Мы вместе активировали маленький передатчик, встроенный в ручку кейса с деньгами, и проверили, чтобы он точно, как часы, передавал сигнал приемнику в «Скорой».

И сейчас этот самый радар внутри «Скорой» безошибочно показывал, что кейс с деньгами быстро удаляется. Я без всякого сомнения дал бы похитителям уйти, поскольку для Алисии это было бы безопаснее всего. Однако один из карабинеров, проходя мимо, мельком заглянул внутрь и увидел сигнал на экране. Он тут же бросился к мужчине с бычьей шеей – судя по всему, он был тут главным – и заорал, перекрывая шум и тыча пальцем в сторону «Скорой».

Офицер, мучимый сомнениями, стал дико озираться по сторонам, затем, спотыкаясь, бросился ко мне. Сунул свою здоровенную башку в окно «Скорой», тупо воззрился на экран радара, где безошибочно прочел дурную весть. Его бледное лицо покрылось потом.

– За ними! – прорычал он водителю, отмахнувшись от моих попыток втолковать ему на чистом итальянском языке, что этого делать не надо.

Водитель покорно пожал плечами, и мы рванули с места во главе целой стаи завывающих полицейских машин по пустынным улицам индустриального района.

– С полуночи, – сказал Пучинелли, – я снова на дежурстве, и теперь я опять начальник.

Я мрачно глянул на него. Сейчас «Скорая» стояла с выключенным мотором на более широкой улице. Экран радара уверенно показывал направление, запеленговав кейс в современном многоквартирном доме. Перед зданием, под углом к тротуару, стояла какая-то неопределенной марки черная машина с медленно остывающим перегретым мотором. Вокруг нее как попало парковались полицейские автомобили. Распахивались двери, вспыхивали мигалки, выскакивали полицейские в своих пестрых фазаньих формах с пистолетами наготове, сразу же ныряя в ближайшее место, где можно укрыться от выстрела.

– Как видишь, похитители находятся в квартире на третьем этаже с окнами на улицу, – сказал Пучинелли. – Они говорят, что взяли в заложники жильцов и убьют их, и еще говорят, что Алисия Ченчи умрет, если мы не дадим им спокойно уйти.

Вряд ли мне нужно было переводить их слова – я слышал их крики в открытое окно.

– Скоро установят «жучки», – сказал Пучинелли, тревожно поглядывая на мое напряженное лицо. – И мы получим пленку с записью телефонных разговоров. На лестнице снаружи наши люди. Они выясняют, кто там засел.

Я молчал.

– Мои люди говорят, что ты позволил бы похитителям уйти с деньгами.

– Конечно.

Мы почти неприязненно переглянулись, хотя еще совсем недавно являлись союзниками.

Пучинелли был смуглым худощавым человеком лет сорока. Бескомпромиссным, настойчивым, энергичным. Сторонник левых взглядов, он недолго любил капиталиста, чья дочь была сейчас в опасности.

– Они застрелили парня, который вел машину, – сказал он. – Мы не можем дать им уйти.

– Парню не повезло. А девушку все равно надо спасать.

– Ты англичанин, – сказал он. – Слишком хладнокровный.

Гнев в моей груди был таков, что и асбест бы загорелся. Если бы его люди не устроили этой внезапной засады, парня не застрелили бы. Он ушел бы целым и невредимым, оставив выкуп в машине, как и было условлено.

Пучинелли глянул на закрепленные на скамье радиоприемники, пощелкал тумблерами, потыкал в кнопки.

– Я оставляю тут человека, чтобы принимать сообщения. Я тоже буду здесь. Можешь остаться, если хочешь.

Я кивнул. Уже поздно предпринимать что-либо еще.

С чего начался этот кошмарный день?

Сидеть возле тайника с выкупом было совершенно не в моем духе. Меня не так учили. И все же Пучинелли потребовал моего присутствия в обмен на обещание, что его людей рядом не будет.

– Можешь подъехать в нашей машине, – сказал он. – В радиомашине. Она замаскирована под «Скорую». Очень осторожно. Иди. Я пришлю тебе водителя. Когда похитители заберут «дипломат», поедешь за ними. Скажешь нам, где они скрываются. Затем, когда девушка будет свободна, мы их возьмем.

– Я скажу тебе, куда они увезли деньги, после того, как девушку освободят.

Глаза его чуть заметно сузились, но он похлопал меня по плечу и согласно кивнул:

– Хорошо, сначала девушка.

В ожидании, когда похитители назначат время передачи выкупа, Пучинелли оставил машину в гараже у виллы Франчезе, поселив шофера в доме. Четыре дня спустя мы сообщили похитителям, что установленная сумма собрана и ждет их. По телефону они дали нам инструкции – и, как было условлено у нас с Пучинелли, я позвонил ему в отделение, чтобы сказать, что готов действовать.

Пучинелли не было на месте, но мы и такую возможность учли.

Я сказал на примитивном итальянском:

– Это Эндрю Дуглас. Немедленно передайте Энрико Пучинелли, что «Скорая» тронулась.

На том конце трубки ответили, что все понятно.

Теперь я уже от всей души жалел, что сдержал слово и проинформировал Пучинелли. Однако сотрудничество с местной полицией – один из основных принципов нашей фирмы.

Как теперь оказалось, сам Пучинелли не слишком-то мне доверял. Возможно, он знал, что я скорее упущу след кейса, чем уйду от тайника. В любом случае и передатчик в кейсе, и передатчик в машине можно было отследить из собственной машины Пучинелли. Его коллега, получив известие от меня, не стал ничего сообщать Пучинелли, а просто взял сколько мог оперативников и явился сюда, в погоне за славой забрав и служебную машину Пучинелли. Тупица, чванливая тварь, божья ошибка.

Как я все это расскажу Паоло Ченчи? И кто сообщит адвокату, что его сын, талантливый студент, нарвался на пулю?

– Тот парень, что был за рулем, – спросил я Пучинелли, – он жив?

– Его увезли в больницу. Когда его увозили, он был еще жив. Больше ничего не знаю.

– Надо сказать его отцу.

– Уже, – мрачно ответил Пучинелли. – Я послал человека.

Репутация фирмы, подумал я, от этого бардака, в общем-то, не пострадает. Мое дело – помогать в расследовании похищений, но незаметно, как можно меньше высовываясь и как можно меньше вмешиваясь. Мое дело – успокаивать, планировать, оценивать, какой минимум можно предложить похитителю, чтобы он согласился, следить, чтобы переговоры проходили в наиболее спокойной, деловой обстановке, без психоза, помочь потянуть время. Короче говоря, мое дело прежде всего вернуть жертву домой.

К тому времени я уже участвовал в расследовании пятнадцати дел по похищениям в качестве оперативного советника. Некоторые дела тянулись дни, некоторые – недели, некоторые – месяцы, но в итоге в большинстве случаев все заканчивалось благополучно и похитители освобождали свои жертвы сразу же после получения выкупа. Но дело Алисии Ченчи, по общему мнению, лучшей в мире девушки-жокея, стало для меня первым по-настоящему опасным.

– Энрико, – сказал я, – не говори с этими похитителями сам. Пусть пойдет кто-нибудь другой, кто будет ссылаться на твои решения.

– Зачем? – спросил он.

– Это поможет разрядить обстановку. Мы потянем время. Чем дольше они будут вести переговоры, тем меньше вероятность того, что они застрелят тех людей в квартире.

Он окинул меня быстрым взглядом:

– Хорошо. Советуй. Это твоя работа.

Мы были в машине одни. Я понимал, что ему стыдно за промах, допущенный его группой, но будь здесь еще кто-нибудь, Пучинелли никогда не смирился бы с таким бесчестьем молча. Вскоре после моего приезда на эту виллу я понял, что он в должности начальника никогда раньше не имел дела с настоящим похищением, хотя и сообщил мне многозначительно, что все его карабинеры «проинструментированы насчет теории характеристик похищения из-за прискорбной частоты подобных преступлений в Италии». До этой ночи его теоретическая подготовка и мой практический опыт довольно неплохо дополняли друг друга, и мне казалось, что он не прочь продолжить это дружеское сотрудничество.

– Позвони в квартиру прямо отсюда, – посоветовал я. – Скажи похитителям, что улаживаешь дело с переговорами. Скажи, что им придется немного подождать. Скажи, что если они устанут ждать, то могут позвонить тебе. Дай им номер... у тебя есть линия здесь, в машине?

Он кивнул:

– Мы подсоединены.

– Как только они успокоятся, ситуация станет безопаснее, но, если на них слишком сильно надавить, они могут начать стрелять.

– И мои люди тоже начнут стрелять... – Он моргнул и вышел, и я услышал, как он кричит в мегафон: – На выстрелы не отвечать! Повторяю, не стрелять! Ждите приказа.

Он быстро вернулся вместе с человеком, тянувшим провод, и коротко сказал:

– Это инженер.

Инженер подсоединил провод к одному из реле и передал Пучинелли устройство, похожее на магнитофон с телефонной трубкой. Оказалось, что это прямая связь с телефоном в квартире, поскольку после короткого молчания Пучинелли заговорил – как я понял, с одним из похитителей. Инженер, естественно, записывал каждое слово.

Для меня итальянский слишком уж выразительный язык, но по крайней мере я уловил тон разговора. Сначала похититель чуть ли не вопил в истерике, но Пучинелли отвечал ему уверенно и ровно, и постепенно похититель стал говорить все спокойнее. Под конец это

уже была вполне осознанная, хотя и возбужденная речь. На последний настойчивый вопрос Пучинелли после паузы ответил медленно и определенно:

– У меня нет полномочий. Я должен связаться с начальством. Пожалуйста, подождите.

В ответ похититель что-то злобно прорычал, но согласился. Послышался щелчок, и связь прервалась.

Пучинелли провел рукой по лицу и еле заметно улыбнулся мне. Я думаю, он понимал, что такие осады могут длиться днями, но по крайней мере он установил связь с похитителями, сделав первый жизненно важный шаг в этом деле.

Он глянул на инженера, и я догадался, что он хотел бы спросить меня, что делать дальше, но не мог этого сделать из-за посторонних.

– Вы, конечно же, направите прожекторы в их окна, чтобы похитители были на виду? – сказал я.

– Конечно.

– И если они не сдадутся часа через два, то вы, естественно, приведете кого-нибудь из умеющих вести переговоры, чтобы он с ними поговорил. Может, кого из профсоюзных деятелей. А потом психиатра, чтобы он мог оценить состояние похитителей и сказать вам, когда лучше всего надавить, чтобы заставить их выйти. – Я бодро пожал плечами. – Вы уж наверняка знаете, что эти методы давали хорошие результаты в других случаях с заложниками.

– Это уж точно.

– И, конечно, вы скажете им, что, если Алисия Ченчи погибнет, они никогда не выйдут из тюрьмы.

– Но водитель... они же знают, что попали в него...

– Если спросят, то, я уверен, вы скажете им, что он жив. Даже если он умрет, вы, конечно, скажете, что он еще жив. Нельзя давать им оснований думать, что им уже нечего терять.

Из одной до сих пор молчавших трубок послышался треск. Сквозь помехи пробивался голос. Оба – и инженер, и Пучинелли – быстро повернулись туда и прислушались. Это был женский голос, бессвязный, рыдающий. Речь была для меня практически бессмысленной, но суть дела я опять же понял.

Ее грубо перебил похититель. Он говорил уж слишком на повышенных тонах. Это было опасно. Завопили дети – все громче и громче, сначала один, затем другой:

– Мама! Папа! Мама!

– Господи, – пробормотал Пучинелли, – там дети! В той квартире дети! – Эта мысль повергла его в ужас. Все пять недель он не беспокоился так за похищенную девушку, как сейчас – за этих детей. Впервые я увидел на его оливково-смуглом лице настоящую тревогу. Он напряженно прислушивался к беспорядочным громким голосам из «жучка» в квартире. Все закончилось криком похитителя, который заорал на женщину, чтобы она дала детям каких-нибудь пирожных, чтобы они заткнулись, иначе он собственными руками повыкидывает их из окна.

Угроза сработала. Стало относительно тихо. Пучинелли воспользовался возможностью и передал на базу по рации короткие приказы насчет прожекторов, человека для переговоров и психиатра. Он посматривал то вверх, на окна третьего этажа, то на забитую людьми улицу. И дом, и улица через тонированные стекла нашей машины казались размытыми и какими-то нереальными. Однако стекло было не настолько темным, чтобы он пропустил нечто, весьма ему не понравившееся и заставившее с криком выскочить из машины. Я проследил за ним взглядом и тоже пришел в ужас – приехал фотограф со вспышкой, первый эшелон прессы.

Весь следующий час я слушал голоса из квартиры. Постепенно я разобрался, какой голос принадлежит отцу, какой матери, какие – двум детишкам, младенцу, и какие – двум

похитителям. Один, тот, что говорил по телефону, рычал басом, у второго был встревоженный тенорок.

Я подумал, что именно этот тенорок и сдастся скорее всего; басил, видимо, киллер. Как оказалось, оружие есть у обоих. Инженер быстро передавал все Пучинелли, который специально для меня повторял более медленно: похитители заперли мать с тремя детьми в одной из спален. Отца связали веревкой. Он невольно застонал – на него рывкнули, чтобы заткнулся.

На улице толпа с каждой минутой разбухала – казалось, жители всех соседних кварталов высыпали полюбоваться бесплатным зрелищем. Даже в два часа ночи здесь роились толпы ребятишек, просачивавшихся тут и там, несмотря на все попытки карабинеров оттеснить их. Отовсюду выныривало все больше и больше народу с фотоаппаратами. Объективы деловито целились в закрытые сейчас окна, за которыми разыгрывалось следующее действие драмы – тенорок согласился подогреть на кухне бутылочку с детским питанием.

Я, стиснув зубы, смотрел, как из подъехавшего телевизионного микроавтобуса посыпались люди с камерами и микрофонами, которые тут же, возбужденно тараторя, принялись брать интервью.

До сих пор похищение Алисии Ченчи не было громким делом. Первые шокирующие известия о ее исчезновении появились на страницах газет, но продержались там недолго, поскольку большинство издателей признавали, что подобная информация может быть опасной. Однако осада жилого дома – законная добыча любого репортера. Я цинично подумал: интересно, сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь из этих стражей закона в фазаньей форме возьмет взятку от газетчиков в обмен на какой-нибудь фактик о жертве, чей выкуп забаррикадирован здесь, тремя этажами выше.

Я поймал себя на том, что фиксирую в памяти детали происходящего вокруг машины. Эта привычка была у меня с детства. Этакая игра, чтобы убить время, когда мне приходилось торчать в машине, пока моя мать ходила по магазинам. Сидя напротив банка, я настолько подробно запоминал все вокруг, что, случись ограбление, я смог бы описать полиции все припаркованные рядом машины – марку, цвет, номер – и описать всех людей, что были в то время на улице. Удирающие машины и водители не ускользнули бы от орлиного взора десятилетнего Эндрю Д.

Но ни один грабитель не сделал мне одолжения, ни один налетчик на ювелирный магазин мне не попался, ни один похититель младенцев из колясок у булочных, ни один уличный бандит, что отнимает у стариков пенсию, ни даже угонщик, пытающийся взломать дверцу автомобиля. Огромное количество совершенно невинных людей проходили перед моим суровым подозрительным взором – и хотя я уже перерос надежду увидеть настоящее преступление, я так и не утратил способности запоминать мелочи.

Итак, глядя сквозь темное стекло машины, я, сосредоточившись, уже через мгновение имел в голове такую отчетливую картину происходящего, что мог бы с точностью сказать, сколько окон выходит на улицу в этом многоквартирном доме, указать расположение каждой из машин карабинеров, описать одежду телевизионщиков, местонахождение каждого гражданского внутри кольца полиции, даже профиль ближайшего корреспондента, увешанного фотоаппаратами, хотя в этот момент он не снимал. У него была круглая голова с прилизанными черными волосами, одет он был в коричневый кожаный пиджак с золотыми пряжками на манжетах.

В машине резко прожужжал звонок, и Пучинелли поднял трубку, подключенную к телефону в квартире. Басовитый похититель, раздраженный ожиданием, требовал обеспечить безопасный проезд в аэропорт и подготовить к вылету самолет.

Пучинелли опять велел ему подождать, поскольку только его начальство может это решить. «Поторопитесь, – сказал бас. – Иначе Алисию Ченчи найдут утром мертвой».

Пучинелли положил трубку и плотно сжал губы.

– Никакого самолета не будет, – без обиняков сказал он мне. – Это невозможно.

– Делай, что они говорят, – настаивал я. – Ты сможешь поймать их и потом, когда девушка будет свободна.

Он покачал головой:

– Я не могу принять такого решения. Только высшее руководство...

– Тогда свяжись с ним.

Инженер с любопытством поднял глаза, услышав бешенство в моем голосе. Однако Пучинелли прикинул, что переложить ответственность на чужие плечи весьма соблазнительно, поскольку тогда, если девушка погибнет, ему это в вину не поставят. Это прямо-таки видно было по его глазам. Придя к ясному выводу, он кивнул.

Я не знал, выпускают ли похитителей его начальники. Я знал только одно – сам Энрико не вправе этого сделать. Это действительно было делом руководства.

– Поеду-ка я обратно на виллу Франчезе, – сказал я.

– Но почему?

– Тут я не пригодился, но там... может быть. – Я помолчал немного. – Но я приехал на машине. Как я сейчас, ночью, поймаю машину, чтобы спокойно добраться до дому?

Он неопределенно махнул какой-то из полицейских машин, но я покачал головой:

– Только не на них.

– Все еще сохраняешь инкогнито?

– Да, – ответил я.

Он написал мне что-то на карточке и показал, куда идти.

– Это круглосуточное такси, в основном для припозднившихся выпивох и неверных мужей. Если его там нет, подожди.

Я выбрался из машины через дверь, открывавшуюся на неосвещенную сторону улицы, вдали от шума, яркого света и всей уличной суматохи, обошел зевак, стараясь убраться подальше от всего этого. Я поспешил уйти в тень – я всегда работаю в тени.

Завернув за угол, я спрятался от этого кошмара наяву и быстро пошел по сонным летним улицам. По давно выработанной привычке я шагал бесшумно. Стоянка такси находилась в дальнем конце старинной площади, и я вскоре остановился там, пораженный атмосферой этого места.

Где-то в этом старом городе беспомощная молодая женщина переживала самую страшную в своей жизни ночь, и мне показалось, что эти нависающие стены, гладкие и бесстрастные, так же таинственны, непостижимы и неумолимы, как те, кто ее похитил.

Те два похитителя, которых сейчас обложили в доме, просто-напросто должны были забрать деньги. Наверняка, кроме них, есть и другие. Хотя бы те, кто сейчас ее охраняет. Но есть еще и некий человек, голос которого пять недель давал нам указания, – человек, которого я называл ОН.

Я подумал, знает ли ОН о том, что случилось у тайника. Знает ли ОН об осаде и о том, где находится выкуп?

Но прежде всего меня тревожило, не записывал ли он.

Если записывал, то у Алисии нет будущего.

Глава 2

В отличие от меня Паоло Ченчи не мог совладать с собой. Невыносимое беспокойство заставляло его расхаживать, как автомат, взад-вперед по главному залу своего дома. Но как только я вошел со стороны кухни, он поднял взгляд и бросился ко мне.

– Эндрю! – В электрическом свете его лицо было серым. – Во имя господи, что случилось? Мне позвонил Джорджо Травенти и сказал, что в его сына стреляли. Он звонил из больницы. Сейчас Лоренцо оперируют.

– Разве карабинеры вам не сказали...

– Да никто мне ничего не говорил! Я просто с ума схожу от тревоги. Уже пять часов прошло с тех пор, как вы с Лоренцо уехали. Я пять часов жду! – Его обычно такой приятный голос сейчас был хриплым и срывался. Он не скрывал своих чувств. Ему было пятьдесят шесть, это был сильный человек, бизнес его был на высоте, но последние недели ужасающе сказались на его душевном состоянии, и теперь у него часто дрожали руки. При своей работе я с лихвой такого насмотрелся. И плевать, насколько богата семья жертвы, насколько она близка к властям предрержающим, – страдание измеряется лишь глубиной любви. Всего-навсего. Мать Алисии умерла, и теперь отец ее страдал за двоих.

Я сочувственно взял его под руку и повел в библиотеку, где он проводил большую часть вечеров, и рассказал ему во всех деталях о том, какая сейчас Алисии грозит опасность, прибавив к рассказу собственного гнева. Он сидел, обхватив голову руками, и, когда я кончил, чуть ли не плакал – я никогда его таким не видел.

– Они убьют ее...

– Нет.

– Это же звери!

За последние недели я успел наслушаться таких зверских угроз, что уже не возражал. Похитители угрожали сделать с ней такое, если Ченчи не согласится на их условия... Эти угрозы явно были рассчитаны на то, чтобы совершенно истрепать нервы ее отца, и все заверения о том, что такие ужасы куда чаще остаются на словах, чем осуществляются на деле, вовсе не успокаивали его. У него было слишком живое воображение, и слишком силен был страх.

Мои отношения с семьями жертв были чем-то вроде отношений врача и пациента – меня вызывали в случае опасности, со мной советовались в тяжелых и тревожных ситуациях, ожидая от меня чудес и надеясь на помощь. Поначалу я не имел ни малейшего понятия о том, что мне придется зачерстветь душой. Но и теперь, четыре года спустя, меня порой дрожь пробирала. Когда меня учили, мне все время повторяли – не давай в деле волю эмоциям, ломаешься.

Мне было тридцать. Иногда я чувствовал себя столетним стариком.

Поначалу Паоло Ченчи не понимал, какая опасность угрожает его дочери, но потом прямо у меня на глазах непонимание сменилось яростью, и, что неудивительно, он обрушил свой гнев на меня.

– Если бы вы не сказали карабинерам, что мы готовы отдать выкуп, такого не случилось бы! Это вы виноваты! Вы! Это позор! Не нужно мне было вас звать! Не надо было вас слушать! Они же все время предупреждали меня, что они сделают с Алисией все эти вещи, о которых и говорить-то страшно, а я позволил вам убедить себя! Я не должен был, не должен! Я должен был отдать выкуп сразу же, как они его потребовали, и Алисия уже давно была бы дома!

Я не стал с ним спорить. Он знал, хотя в горе своем предпочитал этого не вспоминать, что по первому требованию предоставить такой выкуп было просто невозможно. Хотя он и

был богат, шесть миллионов фунтов – это чересчур. Это были не только все его «сбережения», но и изрядная часть его бизнеса. Да и похитители не ждали от него столько денег, как я настойчиво втолковывал ему. Они просто запугивали его – была назначена такая огромная сумма, что любая поменьше уже показалась бы облегчением.

– Все это случилось с Алисией из-за вас!

За исключением, наверное, самого похищения.

– Не будь вас, она бы уже была дома! Я бы заплатил... Я бы сколько угодно заплатил...

Платить слишком много и слишком быстро – значит заставить похитителей думать, что они недооценили финансы семьи. Иногда это кончалось тем, что за одну и ту же жертву выкуп требовали два раза. Я предупредил его, и он понял меня.

– Алисия для меня дороже всего, что я имею. Я хотел заплатить... вы не позволили. Я должен был сделать так, как считал лучше. Я бы все отдал...

Он прямо кипел от злости, и я не мог его винить. Тому, кто любит, кажется, что за любимого человека он готов отдать буквально все, но за последние четыре года я многое узнал о неожиданных сторонах человеческой природы и понял, что для сохранения в будущем здоровой обстановки в семье существенно, чтобы один член семьи не стоил остальным слишком дорого. После первоначальной эйфории на семействе болезненно начнут сказываться финансовые потери. И бремя вины за такой высокий выкуп слишком тяжело ляжет на плечи жертвы, а злость остальных станет слишком сильной, и они тоже начнут себя чувствовать виноватыми за эту злость и возненавидят жертву за то, что ради любви к ней они обездолили себя.

Будущее душевное равновесие жертв постепенно стало для меня не менее важным, чем их физическая свобода, но я не ждал, что Паоло Ченчи в этот момент будет способен это оценить.

Резко зазвонил телефон у его локтя. Ченчи чуть не подпрыгнул. Он протянул было к нему руку, помедлил, а затем, с явным усилием собравшись с духом, поднес трубку к уху.

– Рикардо! Да... да... понимаю. Я сделаю это прямо сейчас.

Он положил трубку и вскочил на ноги.

– Рикардо Травенти? – Я тоже встал. – Брат Лоренцо?

– Я должен поехать один, – ответил он, но уже без злости.

– Ни в коем случае. Я отвезу вас.

С самого приезда я заменил ему шофера. Носил кепку его настоящего водителя и его синий костюм, пока тот, весьма мне благодарный, отдыхал. Это позволяло мне в какой-то мере оставаться невидимым – фирма считала, что это срабатывает лучше всего. Похитители всегда знают все о семье, по которой они нанесли удар, и появившийся новичок может их встревожить. Похититель настороже, словно крадущийся лис. Он видит опасность там, где ее нет, если уж оставить в стороне ту опасность, что есть. Я приходил на виллу и выходил через вход для слуг, считая само собой разумеющимся, что и все остальное тоже заметят.

Гнев Ченчи испарился так же быстро, как и закипел. Я увидел, что он снова в какой-то мере доверяет мне. Я был рад и за себя, и за него, что он до сих пор терпит мое присутствие, но о том, что сказал Рикардо, я спросил с некоторой робостью.

– Они звонили... – Незачем было спрашивать, кто такие эти «они». «Они» все время звонили домой Травенти, не без оснований полагая, что на вилле Франчезе телефон прослушивается. То, что телефон Травенти тоже прослушивается, с неохотного позволения семьи, «они», видимо, в точности не знали. – Рикардо говорит, что он должен встретиться с нами на прежнем месте. Говорит, что сам принял сообщение, поскольку его родители в больнице. Он не хочет их беспокоить. Говорит, что подъедет на своем мотороллере.

Ченчи уже шел к дверям, в полной уверенности, что я последую за ним.

Рикардо, младшему брату Лоренцо, было только восемнадцать, и поначалу никто не собирался втягивать в дело двух этих мальчиков. Джорджо Травенти, как адвокат, согласился быть посредником между Паоло Ченчи и похитителями. Он принимал сообщения для Ченчи и должным порядком передавал ответы. У самих похитителей тоже был посредник. Тот самый ОН, с которым и разговаривал Джорджо Травенти.

Временами Травенти приказывали забрать из определенного места, но не всегда одного и того же, пакет. И вот теперь как раз туда мы и ехали. Это был не просто почтовый ящик, в котором мы находили доказательства, что Алисия до сих пор жива, или просьбы от нее, или требования от НЕГО, или, наконец, как в начале этого вечера, указания насчет того, куда отвезти выкуп, но еще и место, где Джорджо Травенти встречался с Паоло Ченчи, чтобы с глазу на глаз обсудить происходящее. Им не особенно нравилось, что карабинеры подслушивают по телефону каждое их слово, и я вынужден был согласиться, что инстинкт их не подвел.

Ирония была в том, что поначалу Ченчи обратился к Травенти как к своему адвокату просто потому, что Джорджо Травенти не слишком хорошо знал семью Ченчи и потому мог работать для нее спокойно. С тех пор все семейство Травенти решительно взялось за освобождение Алисии. Дошло до того, что ничего уже не могло удержать Лоренцо от намерения самому отвезти выкуп. Я не одобрял его все более эмоционального вмешательства в дело – меня самого не раз об этом предостерегали, – но остановить его я был не в силах, поскольку все Травенти были упрямыми и решительными людьми. Они оказались верными союзниками в тот момент, когда Ченчи больше всего нуждались в них.

Действительно, до той карабинерской засады события развивались гладко, насколько это возможно при похищениях. Выкуп в шесть миллионов сбили до десятой части, и Алисия, по крайней мере до нынешнего полудня, была жива и в здравом уме – она читала вслух из сегодняшней газеты и говорила, что с ней все в порядке.

Единственное утешение в нынешней ситуации, думал я, ведя «Мерседес» Ченчи к месту встречи, – что похитители еще разговаривали с нами. Любое сообщение лучше, чем труп в канаве.

Место встречи было выбрано тщательно – выбрано ИМ, – так, что, даже если карабинерам и хватило бы людей в штатском для постоянного наблюдения в течение многих недель, они проглядели бы момент передачи сообщения. Это уже случилось по крайней мере один раз. Чтобы запутать дело в период наиболее пристального наблюдения, сообщения передавали в других местах.

Мы ехали к ресторану у шоссе в семи милях от Болоньи, где посетители бывали даже ночью – проезжие, которых ни по имени не знали, ни в лицо не запоминали, каждый день другие. И карабинеров, которые слишком долго засиживались бы с кофе, легко можно было вычислить.

ОН оставлял сообщения в кармане дешевого серого тонкого пластикового плаща, висевшего на вешалке в ресторане. Мимо вешалок проходили все посетители обеденного зала типа кафетерия, и мы догадывались, что это безликое одеяние уже висело на этом месте каждый раз перед тем, как нам звонили, чтобы мы забрали сообщение.

Травенти всегда забирал плащ с собой, но ни разу на нем мы не могли найти ничего, что послужило бы ключом к разгадке. Такие плащи продавались повсюду на случай внезапного дождя. Карабинерам передали четыре таких плаща, найденных в ресторане, один из аэропорта и один – с автобусной станции. Все были новенькие, еще со складками, пахнущие химией.

Все сообщения были на пленке. Стандартные кассеты, продающиеся повсюду. Никаких отпечатков пальцев. Ничего. Все было сделано чрезвычайно тщательно. Я пришел к заключению, что работал профессионал.

На каждой пленке содержалось доказательство того, что Алисия жива. На каждой пленке были угрозы. На каждой пленке был ответ на очередное предложение Травенти. Я посоветовал ему сначала согласиться только на две тысячи – ОН принял это с бешеным возмущением, настоящим или поддельным – не знаю. Медленно, после упорной торговли, разрыв между требованием и возможностями сокращался, пока выкуп не стал достаточно большим, чтобы ЕГО труды того стоили, и достаточно сносным, чтобы не подорвать состояние Ченчи окончательно. В тот момент, когда каждый почувствовал себя удовлетворенным, пусть и недовольным, сумма была согласована.

Были собраны деньги – итальянская валюта в мелких купюрах, в пачках, перетянутых резинками. Все упаковали в кейс. По благополучной передаче выкупа Алисия Ченчи была бы освобождена.

По благополучной передаче... Господи...

Придорожный ресторанчик находился почти на одинаковом расстоянии от Болоньи и виллы Франчезе, которая стояла, увенчанная башенками, во всей своей идиллической красе на южном склоне небольшого холма в пригороде. Днем дорога была забита машинами, но в четыре утра только раз фары на короткое время осветили нашу машину. Ченчи молча сидел рядом со мной, устремив взор на дорогу. Мысли его блуждали неведомо где.

Рикардо на своем мотороллере приехал на автомобильную стоянку раньше нас, хотя ему-то было ехать дальше. Как и его брат, он был юношей самоуверенным и сообразительным. Сейчас, из-за того, что в брата стреляли, глаза его горели яростью. Узкие челюсти стиснуты, губы плотно сжаты. Каждый его мускул прямо-таки излучал готовность к драке. Он подошел к нашей машине и сел на заднее сиденье.

– Ублюдки, – гневно прорычал он. – Папа говорит, что Лоренцо в критическом состоянии. – Он говорил по-итальянски, но четко, как и все в его семье, так что я понимал почти все.

Паоло Ченчи горестно всплеснул руками, немного посочувствовав чужому ребенку.

– Что в послании? – спросил он.

– Приказано сидеть здесь, у телефонов. Он сказал, чтобы я привез вас, чтобы вы сами с ним поговорили. Говорит, никаких посредников. Он был сердит. Очень сердит.

– Это был тот же самый человек? – спросил я.

– Думаю, да. Я уже прежде слышал его голос в записи. С ним всегда разговаривал папа. До нынешнего вечера он ни с кем, кроме папы, говорить не желал, но я ответил ему, что папа в больнице с Лоренцо и что его не будет до утра. Он сказал, что это слишком поздно. И что я сам должен принять сообщение. Он велел, чтобы вы, синьор Ченчи, были один. Если опять будут карабинеры, то вы больше Алисию не увидите. Они даже ее тело не вернут.

Ченчи забила дрожь.

– Я останусь в машине, – сказал я. – Это они переживут. Не бойтесь.

– Я пойду с вами, – сказал Рикардо.

– Нет, Рикардо, – покачал я головой, – тебя тоже могут принять за карабинера. Лучше останься здесь, со мной. – Я повернулся к Ченчи: – Мы будем ждать. У вас есть жетоны, если он попросит перезвонить ему?

Он рассеянно пошарил в карманах, и мы с Рикардо ссудили ему несколько жетончиков. Неловко повозившись с дверной ручкой, он вышел и встал посреди стоянки, словно не знал, куда идти.

– Телефоны у ресторана, – сказал Рикардо. – В зале прямо рядом. Я часто оттуда звоню.

Ченчи кивнул, взял себя в руки и твердо пошел к выходу.

– Думаете, кто-нибудь наблюдает? – спросил Рикардо.

– Не знаю. Рисковать мы не можем. – Я использовал итальянское слово, означающее опасность, а не риск, но он понимающе кивнул. Я третий раз работал в Италии и говорил теперь по-итальянски лучше, чем прежде.

Мы ждали долго и мало говорили. Так долго, что я начал беспокоиться – вдруг Ченчи вовсе не позвонили? Вдруг это сообщение было просто жестокой шуткой в отместку? Или даже хуже – вдруг это просто уловка, чтобы выманить его из дома, в то время как там произойдет что-то ужасное? Мое сердце глухо билось. Старшая сестра Алисии, Илария, сестра Паоло Ченчи, Луиза, обе были на вилле и спали наверху.

Возможно, мне следовало остаться там... но Ченчи был не в состоянии сесть за руль. Возможно, мне следовало разбудить их садовника, что жил в деревне, – он иногда водил машину, когда у шофера был выходной... возможно, возможно.

Когда он вернулся, небо уже светлело. По его походке было видно, что он потрясен. Лицо его было просто каменным. Я открыл ему дверь изнутри, и он тяжело опустился на пассажирское сиденье.

– Он звонил дважды, – Ченчи по инерции говорил на итальянском. – В первый раз велел ждать. Я ждал... – Он замолчал и проглотил комок. Прокашлялся. Снова заговорил – уже тверже: – Я долго ждал. Целый час. Больше. Наконец он позвонил. Сказал, что Алисия жива, но цена выросла. Сказал, что я должен заплатить два миллиарда лир не позднее чем через два дня. – Голос его сорвался. Я ясно слышал в нем отчаяние. Два миллиарда лир – это около миллиона фунтов.

– Что еще он сказал? – спросил я.

– Он сказал, что, если кто-нибудь расскажет карабинерам о новых требованиях, Алисию тут же убьют. – Тут он вдруг вспомнил, что в машине сидит еще и Рикардо, и в тревоге повернулся к нему: – Не говори об этой встрече никому. Душой поклянись!

Рикардо с серьезным видом пообещал. Он также сказал, что сейчас поедет в больницу к родителям и привезет новости о Лоренцо. Еще раз горячо пообещав молчать, он пошел к своему мотороллеру и затарахтел прочь.

Я завел машину и выехал со стоянки.

– Мне столько не осилить, – подавленно проговорил Ченчи. – Больше я не смогу.

– Ну, – сказал я, – вы случайно получили назад деньги из того кейса. Вам повезло. Это означает, что на самом деле вам надо добавить... семьсот миллионов лир.

Триста тысяч фунтов. Если произнести быстро, это не так ошарашивает.

– Но за два дня...

– Банк ссудит. У вас есть имущество.

Он не ответил. Теперь, когда второй раз придется собирать выкуп в мелких банкнотах, это будет технически сложнее. Нужно больше денег и гораздо быстрее. Однако в банках читают утренние газеты – и вряд ли им не будет известно о том, что нужен второй выкуп.

– Что вы собираетесь сделать, когда получите деньги? – спросил я.

Ченчи покачал головой.

– Он сказал мне... Но теперь я не могу вам передать. На сей раз я понесу деньги сам. Один.

– Это неразумно.

– Я должен это сделать.

Он говорил безнадежно и одновременно решительно. Я не стал спорить. Просто спросил:

– У нас будет время сфотографировать купюры и пометить их?

Он нетерпеливо покачал головой.

– Какое теперь это имеет значение? Дело только в Алисии. Мне дали второй шанс...

На этот раз я сделаю все, как они говорят. Теперь я действую один.

Как только Алисия будет спасена – если ему повезет, – он пожалеет, что упустил возможность выручить хотя бы часть выкупа и поймать похитителей. Как это часто бывает

при похищениях, эмоции превалируют над здравым смыслом. Но вряд ли можно его в этом винить.

Почти все комнаты на вилле Франчезе были увешаны снимками Алисии Ченчи. Девушки, которую я никогда не видел.

Алисия на скачках по всему миру. Богатая девушка Алисия с шелковой кожей и солнцем в крови (как писали имеющие воображение газетчики) – горячая, яркая и временами опаляющая.

Я мало понимал в скачках, но о ней я слышал, об этой обворожительной девушке из европейского спорта, которая и вправду могла скакать – тут надо вообще газет не читать, чтобы не слышать о ней. В ней было что-то, привлекавшее этих писак, особенно в Англии, где она часто выступала. Да и в Италии всякий раз, как о ней упоминали, я слышал в голосе говорившего искреннее восхищение. В голосе каждого, кроме разве что ее сестры Иларии, чья реакция на похищение была неоднозначной.

На фотографиях крупным планом Алисия была не особенно красива – худенькая, с мелкими чертами лица, темноглазая, с короткими прилегающими к голове кудряшками. Ее сестра, чей снимок висел рядом в серебряной рамке, казалась более женственной, более дружелюбной, более милой. Однако в жизни в Иларии ничего такого особо не наблюдалось, тем более сейчас, при таких ужасных обстоятельствах. Никогда не угадаешь, как человека изменит несчастье.

Она и ее тетка Луиза все еще спали, когда мы с Ченчи вернулись на виллу. Все было тихо и спокойно. Ченчи пошел прямо в библиотеку и налил себе большой стакан бренди, показав мне, чтобы я тоже налил себе. Я присоединился к нему, подумав, что напиток в семь утра можно ничуть не хуже, чем в любое другое время.

– Простите, – сказал он. – Понимаю, что это не ваша вина. Карабинеры... они делают что хотят.

Я понял, что он вспоминает, как яростно набросился на меня, когда мы в последний раз сидели в этих же самых креслах. Я небрежно отмахнулся и позволил бренди протечь в горло, согреть желудок. Сменяющие друг друга чувства теснились в моей груди. Может, это и неправильно, но самое старое на свете успокоительное по-прежнему оставалось самым эффективным.

– Думаете, мы вернем ее? – спросил Ченчи. – Вы правда так думаете?

– Да, – кивнул я. – Они не стали бы начинать с нуля, если бы намеревались убить ее. Они не желают причинить ей вреда, как я все время вам и говорил. Они хотят одного... чтобы вы поверили в то, что они убьют ее. Да, я действительно думаю, что это хороший знак, раз им все еще хватает выдержки торговаться, – и это при том, что двоих из них взяли карабинеры.

Ченчи окинул меня пустым взглядом.

– Я и забыл об этом.

Я-то не забыл, но осада и засада отложились у меня в голове в виде воспоминаний, а не как отчет. Всю ночь я думал, не было ли у этих двоих рации, и не узнал ли ОН о провале в тот же самый миг, как все случилось, а не потом, когда его подельщики вместе с деньгами не появились.

Я подумал: будь я на ЕГО месте, я бы очень обеспокоился за этих двоих – обязательно за их жизни, но из-за того, что они слишком много знают. Они могли знать, где находится Алисия. Они могли знать, кто спланировал всю операцию. Они просто обязаны были знать, где предполагалось передать деньги. Может, они и просто наемники, но им достаточно доверяют, чтобы послать за деньгами. Они могли быть и полноправными партнерами в этом деле. Хотя я сомневался. В бандах похитителей обычно есть своя иерархия, как и во всех остальных организациях. Так или иначе, эти двое попали бы в руки карабинеров живыми

или мертвыми. Сами они грозили, что, если их не отпустят, Алисия умрет, но, возможно, ОН ничего подобного Ченчи не говорил. Не означало ли это, что ЕГО в первую очередь беспокоят деньги? Деньги от Ченчи ОН наверняка получит, а вот добиться освобождения своих соучастников вряд ли сможет, потому сейчас он занят именно выбиванием денег, а не их судьбой... Или это просто говорит о том, что у него нет рации, чтобы держать контакт со своими подельщиками, которые угрожали скорее для проформы? Или ОН по рации убедил их забаррикадироваться и постоянно угрожать, связав карабинеров достаточно надолго, чтобы ОН сумел перевезти Алисию в другое место, так что теперь уже все равно, заговорят его соучастники или нет – они просто ничего не будут знать.

– О чем вы размышляете? – спросил Ченчи.

– О надежде, – ответил я и подумал, что похитители, засевшие в квартире, наверное, все-таки не имеют с НИМ никакой связи по рации, поскольку они ни разу не упомянули ЕГО в течение того часа, когда я прослушивал их разговоры с помощью «жучка». Но ОН мог догадаться о «жучках»... если ОН не дурак... и, может, ОН велел им отключиться, дав первые инструкции.

Будь я на ЕГО месте, я держал бы связь с этими двумя с того самого момента, как они отправились на дело. Но существует не так уж много радиочастот, и вероятность того, что тебя подслушают, высока. Но ведь есть коды и условные фразы... Хотя как обговорить условную фразу, которая сигнализировала бы о том, что отовсюду полезли карабинеры и что пришлось пристрелить парня, принесшего выкуп?

Если бы они не забрали выкуп вместе с маячком, они, возможно, смогли бы улизнуть. Если бы им не так отчаянно хотелось забрать выкуп, они не застрелили бы водителя, привезшего его.

Карабинеры действовали тупо, но похитители были ничуть не лучше, и, пока ОН не решит в конце концов прикрыть эту лавочку, надежда есть. Я по-прежнему считал, что надежда эта достаточно слабая. Но вряд ли кто осмелится сказать об этом отцу жертвы.

Слезы в конце концов побежали-таки по щекам Ченчи. Наверное, от бренди. Он плакал молча, не пытаясь смахнуть или скрыть слезы. Многие мужчины доходили до такого состояния куда быстрее его. Насколько я знал из своей практики, большинство родителей похищенных быстро ломались. Через гнев, тревогу и скорбь, через ощущение вины, надежду и боль, через все эти стадии они приходили к одному и тому же. Я повидал столько людей в отчаянии, что иногда смеющееся лицо просто потрясало меня.

Сидевший напротив меня Паоло Ченчи ни разу в моем присутствии не улыбнулся. Поначалу он пытался придать своему лицу приятное выражение, но, как только он привык к моему присутствию, маска сползла, и теперь передо мной сидел человек, чувства, силу и безрассудство которого я знал. Городской житель, светский человек, удачливый в бизнесе, мудро смотревший на меня с портрета в библиотеке, был чужим.

В нашу первую встречу ему не понравилось, что я слишком молод. Теперь он вроде бы привык ко мне. Его вопль о помощи достиг нашего офиса, когда еще не прошло и дня после исчезновения Алисии, и уже на следующий вечер я стоял у него на пороге. Однако сорок девять часов такого кошмара могут показаться целой жизнью, и после облегчения, которое он испытал при встрече со мной, он уже не был столь придирчив. Сейчас он смирился бы и с четырехруким синим карликом, а не только с худощавым типом в пять футов десять дюймов ростом, с обычными каштановыми волосами и усталыми серыми глазами. Но, в конце концов, он платил мне, а если бы я ему действительно стоял поперек горла, он легко мог от меня избавиться.

Когда Ченчи в первый раз позвонил в нашу контору, он был краток и прям. «Мою дочь похитили. Я позвонил Томазо Линарди из Миланской кожевенной компании спросить совета. Он назвал мне ваше имя... он сказал, что именно ваша фирма вернула его домой

в целостности и сохранности и помогла полиции выследить похитителей. Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, приезжайте».

Томазо Линарди, владелец Миланской кожевенной компании, сам был два года назад похищен ради выкупа, и неудивительно, что Паоло Ченчи его знал, поскольку Ченчи и сам занимался кожевенным бизнесом. Половина итальянской обуви, импортируемой в Англию, сказал он мне, проходит через его фирму на стадии некроеной кожи.

У этих двоих, между прочим, нашлось еще кое-что общее, хотя и не столь прочно их связывающее, а именно: интерес к лошадям. Ченчи интересовался этим, конечно же, из-за Алисии, а Линарди из-за того, что владел основной долей капитала ипподрома. Этот холдинг в фешенебельном, доходном куске плоской земли был той частью его собственности, которую пришлось продать, чтобы собрать выкуп за него самого, что он, к горю своему, и обнаружил по освобождению. В его случае удалось вернуть только малую часть выкупа в миллион фунтов, хотя спустя месяц почти всех похитителей арестовали. Семь миллионов, которые за него требовали поначалу, означали бы еще и потерю почти всего его бизнеса, так что он в конце концов успокоился, смирился и остался весьма благодарен «Либерти Маркет» и потому порекомендовал нас другому пострадавшему.

По делу Линарди я работал еще с одним партнером. Мы нашли жену Линарди не просто в отчаянии по поводу судьбы ее мужа – она была еще и в ярости из-за размера выкупа. Его любовница рыдала в три ручья, сын захватил его кресло в офисе, его повара бились в истерике, его сестры лаялись, и его собаки скулили. Вся эта театральщина разыгрывалась фортиссимо, и в конце концов мне показалось, будто меня накрыло приливной волной.

Вилла Франчезе была куда более спокойным домом. Мы с Паоло Ченчи посидели еще с полчаса, чтобы дать бренди улечься, раздумывая о том о сем. В конце концов слезы его высохли, он глубоко вздохнул и сказал, что раз наступает день, то ему нужно переодеться, позавтракать и отправиться в офис. Естественно, я, как обычно, отвезу его. И конечно же, я могу сфотографировать купюры. Он думает, что я, конечно, прав и что это лучшая возможность хоть что-то потом вернуть.

В этом консервативном доме завтракали в столовой – кофе, фрукты и горячий хлеб подавали под фреской с пастушкой в стиле Марии-Антуанетты.

К нам присоединилась Илария. Как всегда, молча положила себе на тарелку то, что ей больше всего нравилось. Ее молчание было формой протеста – в данном случае явным отказом здороваться с отцом. Даже ради приличия. Казалось, он привык к этому, но мне это казалось из ряда вон выходящим, особенно в нынешних обстоятельствах. Тем более что между ними не было вроде бы ни ссоры, ни злобы. Илария жила жизнью привилегированной дамы, не работала, по большей части путешествовала, играла в теннис, брала уроки пения, ходила по магазинам и на ленчи – все благодаря деньгам своего отца. Он давал, она брала. Иногда я думал – может, ее так злит зависимость от отца, что она яростно отказывается ее признавать – вплоть до того, что даже не пытается пристойно себя вести... Но она вроде бы и не стремилась никогда найти работу. Мне совершенно четко сказала об этом ее тетя Луиза.

Иларии было двадцать четыре. Свежее личико, чеканный профиль, не худая, с великолепно подстриженными и часто мытыми волнистыми каштановыми волосами. У нее была привычка поднимать брови и смотреть на кончик носа, как сейчас, когда она пила кофе, что, вероятно, отражало все ее взгляды на жизнь и, вне всякого сомнения, приведет к образованию морщин, когда ей стукнет сорок.

Она не спросила, нет ли новостей об Алисии. Она никогда не спрашивала об этом. Казалось, она злилась на свою сестру за то, что ее похитили, хотя никогда прямо об этом не говорила. Однако ее реакция на мое предложение о том, что не стоит ей приходить на корт в определенное время, быть там вместе с друзьями и с ними уходить, поскольку похитители могут потерять надежду от отсрочки в получении выкупа и еще раз нанести удар по той же

семье с целью поторопить, была не просто отрицательной, но даже язвительной: «По моему поводу так суетиться не будут».

Ее отец был поражен этими горькими словами, но и она, и я поняли по его лицу, что это правда, даже если он сам никогда себе в этом и не признавался. На самом-то деле было бы куда проще похитить Иларию, но даже будь жертвой она, ее младшая сестра, папочкина любимица, все равно затмевала бы ее в глазах отца. Она продолжала с тем же молчаливым упрямством ходить в то же самое время в те же самые места, прямо-таки нарываясь на неприятности. Ченчи умолял ее не делать этого, но все без толку.

Я подумывал – может, она и в самом деле хочет, чтобы ее похитили? Чтобы отец доказал свою любовь к ней, как и к Алисии, продавая драгоценные вещи, только бы получить ее назад?

Поскольку она не спрашивала, мы не стали прошлым вечером говорить ей о том, что ночью будет передача выкупа. Пусть спит, сказал Ченчи, думая о предстоящем ему испытании и желая избавить дочь от этого.

– Возможно, Алисия будет дома к завтраку, – сказал он.

Теперь он посмотрел на Иларию и с огромной усталостью рассказал ей, что передача выкупа сорвалась и что теперь за Алисию придется собирать другой, больший выкуп.

– Другой... – Она недоверчиво воззрилась на него, не донся чашку до рта.

– Эндрю думает, что мы сможем получить первый выкуп назад, но не сразу... – Он чуть ли не умоляюще всплеснул руками. – Милая моя, мы станем беднее. Это дополнительное требование дорого нам обойдется... Я решил продать дом в Миконесе, но даже этого будет недостаточно. Придется расстаться с драгоценностями твоей матери, как и с коллекцией табакерок. Остальное я должен получить в счет этого дома и имения, и если нам не вернут первый выкуп, то мне придется взять деньги взаймы под оливковую плантацию и придется потом выплачивать долг из дохода от нее, так что ничего у нас не останется. Земля, которую я продал в Болонье, чтобы получить первый выкуп, больше дохода нам не даст, и нам придется жить только на доходы от моего бизнеса. – Он слегка пожал плечами. – Голодать не будем. Мы по-прежнему будем жить здесь. Но ведь надо выплачивать еще пенсию слугам, пособия моим вдовым тетушкам, на которые они существуют... Нам предстоит борьба, моя милая, и я думаю, что ты должна об этом знать и приготовиться.

Она потрясенно смотрела на него, и я подумал, что до этого момента она не осознавала, что выплата выкупа – дело жестокое.

Глава 3

Я отвез Ченчи в его офис и оставил там наедине с телефоном вести мрачные переговоры с банком. Затем, переодевшись из шоферской формы в безликие брюки и свитер, я отправился сначала на автобусе, затем пешком к дому, где все еще могла продолжаться осада.

С виду здесь вроде бы ничего не изменилось. «Скорая» с тонированными стеклами все еще стояла у края тротуара на противоположной от дома стороне, карабинерские машины все так же парковались у тротуара как бог на душу положит, все те же карабинеры в фазаньих формах жались к ним, телефургон выбрасывал во все стороны провода и антенны, и комментатор по-прежнему говорил что-то в камеру.

Дневной свет лишал зрелище драматизма. Люди привыкли. Теперь сцена была не пугающей, а мирной, люди двигались шагом, а не короткими перебежками. Стадо зевак начало уставать.

Окна на третьем этаже были закрыты.

Я стоял в сторонке, засунув руки в карманы, взъерошенный, с местной газеткой под мышкой. Я надеялся, что у меня не слишком английский вид. Некоторые партнеры «Либерти Маркет» в гражданском выглядели совершенно сногшибательно, но я всегда считал, что для меня малость ссутулиться и сделать праздный вид – лучший способ остаться незаметным.

Подождав немного и увидев, что ничего не происходит, я побрел прочь, разыскал телефон и набрал номер коммутатора в «Скорой».

– Энрико Пучинелли здесь? – спросил я.

– Подождите. – Послышался какой-то шепот, затем заговорил сам Пучинелли. Голос его звучал устало: – Эндрю? Ты?

– Да. Как дела?

– Все по-прежнему. В десять я на час оставляю пост.

Я посмотрел на часы. Девять тридцать восемь.

– Где ты перекусываешь? – спросил я.

– У Джино.

– О'кей, – ответил я и повесил трубку.

Я ждал его в ярко освещенном стеклянно-кафельном ресторанчике, в котором, насколько я знал, подавали макароны с милым выражением лица даже в три утра. В одиннадцать тут уже было полно посетителей, и я занял столик на двоих, заказав по порции феттучини, хотя сам есть и не хотел. Когда Пучинелли приехал, он с ужасом отпихнул от себя тарелку с остывшей едой и заказал яйца.

Он, как я и предполагал, пришел в гражданском. От усталости у него под глазами были синие круги, плечи поникли.

– Надеюсь, ты выспался, – саркастически сказал он.

Я слегка покачал головой, не говоря ни да, ни нет.

– Всю ночь у меня на шее сидели две важные шишки, – сказал он. – Они не могут пошевелить своими зажиревшими мозгами насчет самолета. Ведут переговоры с Римом. Кто-то в правительстве, видите ли, должен решать, но никто из правительства не желает пожертвовать ради этого сном. Ты бы, друг мой, спятил от всего этого. Треп, треп, треп, а толку – ни хрена.

Я сделал сочувственный вид и подумал, что чем дольше затянется осада, тем лучше для Алисии. Пусть продлится, пока ее не выпустят. Пусть ОН, в конце концов, станет реалистом.

– Что говорят похитители? – спросил я.

– Да все те же угрозы. Девушка погибнет, если они вместе с выкупом не уйдут в целости и сохранности.

– Ничего нового?

Он покачал головой. Принесли яйца вместе с булочками и кофе. Он неторопливо съел их.

– Младенец проорал полночи, – произнес он с набитым ртом. – Басовитый похититель все время твердит его мамаше, что если тот не заткнется, то он его придушит. Это действует ему на нервы. – Он поднял взгляд. – Ты всегда говорил, что они больше грозятся, чем делают. Надеюсь, ты прав.

Я тоже надеялся. Вопящий младенец и терпеливого мужчину до белого каления доведет.

– Они что, покормить его не могут? – спросил я.

– У него колики.

Пучинелли говорил со знанием дела, и я рассеянно подумал о его семье. Все наши дела в основном нашей личной жизни не касались, и лишь урывками, как сейчас, я видел за личиной полицейского обычного человека.

– У тебя есть дети? – спросил я.

Он коротко усмехнулся, блеснув глазами:

– Три сына, две дочки, еще один ребенок... на подходе. – Он замолчал. – А у тебя?

Я покачал головой.

– Пока нет. Я не женат.

– Твоя беда. И твое счастье.

Я рассмеялся. Он неодобрительно засопел, словно я обидел его жену.

– Девочки вырастают и становятся мамами, – сказал он. Пожал плечами. – Случается.

Да, подумал я, мудрость проявляется в самых неожиданных случаях. Он покончил с яйцами и принялся за кофе.

– Сигарету? – спросил он, вытягивая коробку из кармана рубашки. – Забыл. Ты же не куришь. – Он щелкнул зажигалкой и с глубоким облегчением закоренелого курильщика вдохнул полной грудью. Каждый отдыхает по-своему – мы с Ченчи находили то же самое в бренди.

– Похитители этой ночью говорили с кем-нибудь еще? – спросил я.

– В смысле?

– По рации.

Он резко поднял свое тонкое лицо, и семейный мужчина тут же исчез.

– Нет. Говорили друг с другом, с семейством заложников, с нами. Ты думаешь, у них была рация? Почему ты так думаешь?

– Мне интересно, не связывались ли они со своими друзьями, которые удерживают Алисию.

Он сосредоточенно подумал и резко покачал головой.

– Эти двое время от времени говорили о том, что случилось, но так, как будто разговаривали друг с другом. Если они говорили по рации и не хотели, чтобы мы об этом узнали, то они очень умны. К тому же они должны были догадаться, что мы их уже подслушиваем и слышим каждое их слово. – Он еще немного подумал над этим и наконец еще решительнее покачал головой: – Нет, они не умники. Я всю ночь их слушал. Они злы, перепуганы и... – Он поискал понятное мне слово: – Это обычные люди.

– Средние?

– Да. Средние.

– Все равно, когда ты возьмешь их, ты их обыщешь? Вдруг у них есть рация?

– Ты лично хочешь знать?

– Да.

Он оценивающе посмотрел на меня.

– О чем ты умалчиваешь? – спросил он.

Я умалчивал о том, что Ченчи так горячо хотел сохранить в тайне, а Ченчи ведь платит мне. Я мог бы посоветовать ему откровенно поговорить с местными властями, но и только. Идти наперекор желаниям клиента – самая худшая вещь для бизнеса.

– Я просто интересуюсь, – невинно сказал я, – знают ли те, кто стережет Алисию, что тут творится.

– Подождем – узнаем, – сказал он. – Похитители не могут торчать в доме вечно. В конце концов выйдут.

Ченчи мрачно начал с большой картонной коробки, стоявшей на столе в его кабинете. На коробке были яркие наклейки с надписью белым по красному «ХРУПКОЕ СОДЕРЖИМОЕ». Но это «хрупкое содержимое» пережило бы любое обращение. Правда, лишь до той поры, пока не попало бы в руки к бандитам.

– Полтора миллиарда лир, – сказал он. – Банки устроили доставку из Милана. Привезли их прямо в офис под охраной.

– В этой коробке? – удивился я.

– Нет. Они хотели получить назад свои кейсы, а коробка просто оказалась под рукой. – Голос его звучал устало. – Остальное прибудет завтра. Они поняли меня и действовали быстро, но проценты, которые они потребовали, разорят меня.

Я молча кивнул в знак сочувствия, поскольку подходящих слов у меня не было. Затем я переоделся в свою шоферскую форму, отнес тяжелую коробку в машину, сунул ее в багажник и повез Ченчи домой.

На вилле мы обедали поздно, хотя из-за треволнений дня зачастую всего не съедали. Ченчи с отвращением отодвигал тарелку, а я иногда думал, что моя худоба – результат того, что я никогда не мог есть с удовольствием перед лицом горя. Мое предложение насчет того, чтобы я жил не в его семье, было встречено с негодованием. Он говорил, ему нужна компания, чтобы остаться в здравом рассудке. Я был рад общаться с ним побольше.

Однако этим вечером он понимал, что я не смогу быть при нем. Я отнес коробку с «хрупким содержимым» наверх, в свою комнату, задернул занавески и занялся долгим и нудным делом – я заснял каждую купюру, зажимая их под не дающим блика стеклом, по четыре снимка на каждую купюру. Даже с камерой на треноге, с длинной пленкой, тросиком и автоприводом эта работа всегда отнимала кучу времени. Я предпочитал не доверять ее банкам или полиции, но даже после большой практики я мог лишь мечтать о том, чтобы обрабатывать по полторы тысячи банкнот в час. Шуршание банкнот этих огромных выкупов преследовало меня даже во сне.

По традиции сотрудники «Либерти Маркет» отсылали непроявленные пленки со срочным курьером в свой лондонский офис, где в подвале стояло простое оборудование для проявки и печати. Номера банкнот затем набивали на компьютере, который располагал их по порядку номеров для купюр каждого достоинства, а затем распечатывали. Затем этот список, опять же с курьером, присылали оперативному советнику, который, после того как жертву освобождали, передавал его полиции, чтобы его распространили по всем банкам страны вместе с объявлением, что всякий, кто сообщит о купюре из выкупа, получит награду.

Эта система казалась нам наилучшей, в основном из-за того, что фотографирование не оставляет на банкнотах никаких следов. Банки могут отследить меченые банкноты, похитители тоже. У банков нет монополии в сканировании купюр на предмет обнаружения флюоресцентной метки. Нетрудно добыть и счетчики Гейгера для радиоактивных меток. Точечные проколы легко увидеть невооруженным глазом на свет, дополнительные линии и отметки каждый разглядит при увеличении. Банкам из-за нехватки времени приходилось обзаводиться оборудованием для быстрого обнаружения метки, что исключало применение

невидимых чернил. Похитители, куда более осторожные да еще и пуганые, будут проверять все как одержимые.

Если похитители найдут метки на купюрах выкупа – это смертельно. Потому мы в «Либерти Маркет» ставили на купюры такие труднообнаруживаемые метки, что иногда и сами их теряли. А уж банки их тем более не могли отследить. Метки состояли из прозрачных микроточек, которые при рассмотрении под микроскопом давали расплывчатые черные буквы Л и М, но сквозь обычное увеличительное стекло они казались обыкновенными черными точками. Мы использовали их только на купюрах большого достоинства, да и то лишь ради подтверждения в том случае, когда возникали сомнения насчет сфотографированных номеров. Пока мы никому не говорили о существовании таких меток и надеялись, что нам удастся сохранить наш секрет.

К утру, валясь с ног от усталости, я снял едва ли половину – банки восприняли указание о мелких купюрах слишком уж буквально. Заперев деньги в одежном шкафу, я принял душ и подумал было о том, чтобы поспать, но после завтрака, как обычно, повез Ченчи в офис. Три ночи я как-нибудь продержусь без сна. Потом отключусь.

– Если похитители войдут с вами в контакт, – сказал я по пути, – можете сказать им, что вы не в состоянии сидеть за рулем. Скажите, что вам нужен ваш шофер. Скажите... м-м... что у вас слабое сердце или что-то в этом роде. По крайней мере у вас будет помощь на всякий случай.

Молчание было таким ощутимым, что я подумал было, что он не расслышал меня, но он в конце концов ответил:

- Значит, вы не знаете...
- Не знаю чего?
- Почему я держу шофера.
- Вы богатый человек, – сказал я.
- Нет. У меня нет водительских прав.

Я пару раз видел, как он ездил на джипе по дорожкам в своем имении, хотя, как мне помнилось, без особого пыла. Он немного помолчал.

– Я решил не получать прав, поскольку страдаю эпилепсией. Почти всю жизнь. Конечно, таблетками я почти полностью ее подавляю, но предпочитаю не водить машину по улицам.

– Простите, – сказал я.

– Забудьте. Я уже и сам забыл. Это мелкое неудобство. – Ченчи говорил так, словно эта тема надоела ему. Да, считать нерегулярную работу мозга всего лишь неудобством очень типично для него.

Когда мы доехали до пригородов Болоньи, он сказал:

– Я должен завтра в восемь утра приехать к тем телефонам у придорожного рестораника. Должен привезти в машине деньги. Должен дождаться его... чтобы получить указания. Он взбесится, когда увидит, что я при шофере.

– Объясните ему. Он будет знать, что вы всегда с шофером. Расскажите ему почему.

– Я не могу рисковать, – сказал он дрожащим голосом.

– Синьор Ченчи, ему нужны деньги. Заставьте его поверить, что вы не можете сами водить машину без риска. Ему меньше всего нужно, чтобы вы вместе с выкупом врезались в фонарный столб.

– Ладно... попытаюсь.

– И не забудьте потребовать у него доказательства, что Алисия жива и здорова.

– Да.

Я высадил его у офиса и поехал назад, на виллу Франчезе. Вымыл машину, поскольку шофер Ченчи всегда делал так, когда не был нужен утром. Я так часто мыл эту чертову

машину, что знал ее до последнего дюйма, как родную. Однако нельзя было быть уверенным, что похитители не следят за нами. А эта роскошная вилла на холме прекрасно просматривалась через подзорную трубу за милню с любой стороны. И изменение рутинного распорядка дня стало бы предупреждением для бандитов. И потому, если я шофер, то я буду мыть машину.

Покончив с делом, я поднялся наверх и поспал пару часов. Затем снова занялся фотографированием, прервавшись только затем, чтобы привезти Ченчи в обычное время домой. Явившись в его офис, я обнаружил на его столе еще одну коробку. На сей раз, судя по надписям, она прошла таможенно в Генуе.

– Отнести? – спросил я.

Он угрюмо кивнул.

– Здесь все. Пятьсот миллионов лир.

Мы ехали домой практически не разговаривая. Я провел вечер и ночь как и прежде – методически щелкая фотоаппаратом, пока не дошел до состояния зомби. К утру все было сделано, микроточки были нанесены на несколько пятидесятитысячных банкнот, но пометил я немногие – времени не хватало. Я сложил их, перетянув пачки резинками, в коробку с надписью «ХРУПКОЕ СОДЕРЖИМОЕ» и отволлок ее на своем горбу в холл. Ченчи уже расхаживал взад-вперед по столовой, бледный от волнения.

– Вот и вы! – воскликнул он. – Я как раз собирался разбудить вас. Время уже близится. Семь часов.

– Вы завтракали?

– Мне кусок в горло не лезет. – Он посмотрел на часы. Я понял, что он на взводе уже несколько часов. – Давайте лучше поедим. А вдруг мы застрянем по дороге? А вдруг там какая-нибудь авария?

Он дышал часто и взволнованно, и я неуверенно спросил:

– Синьор Ченчи, простите, что я спрашиваю, но за всеми треволнениями сегодняшнего дня... вы таблетки свои не забыли?

Он непонимающе глянул на меня:

– Да. Да, конечно. Они всегда при мне.

– Извините.

Он отмахнулся:

– Поехали. Мы должны ехать.

Движение на дороге было обычным, никаких происшествий не было. Мы приехали к месту встречи на полчаса раньше, но Ченчи выскочил из машины, как только я заглушил мотор. От того места, где я припарковался, за двумя рядами машин мне был виден вход в ресторанчик. Он был похож на вход в улей, оттуда постоянно кто-то выходил. Или входил.

Ченчи на негнущихся ногах пошел ко входу и затерялся среди людей, а я, как и положено шоферу, надвинул фуражку на нос и развалился на сиденье. Если я не буду держать себя в руках, подумал я, то ведь так и уснуть можно...

Кто-то постучал по стеклу. Я открыл глаза, посмотрел по сторонам и увидел молодого человека в белой рубашке с расстегнутым воротом и золотой цепью на шее. Он показывал мне, чтобы я открыл окно.

У этой машины, раздраженно подумал я, окна на электричестве работают. Я включил зажигание и нажал кнопку, слегка при этом приподнявшись.

– Кого вы ждете? – спросил он.

– Синьора Ченчи.

– Не графа Риети?

– Нет. Извините.

– А другого шофера вы тут не видели?

– Увы, нет.

У него в руке был свернутый в трубку журнал, перехваченный резинкой. У меня мелькнула в голове мысль – один из сотрудников «Либерти Маркет» был уверен, что нельзя доверять людям, у которых в руке свернутый журнал, поскольку в нем так удобно прятать нож... Однако эта мысль быстро улетучилась.

– Вы не итальянец? – спросил он.

– Нет. Я из Испании.

– О! – Он пошарил глазами, словно искал шофера графа Риети. Затем как бы между прочим сказал по-испански: – Далековато от дома вы забрались.

– Да, – ответил я.

– Откуда вы родом?

– Из Андалузии.

– В эту пору там жарко.

– Ага.

Я провел бог знает сколько школьных каникул в Андалузии у моего разведенного с матерью отца, наполовину испанца, у которого там был отель. Испанский – мой второй родной язык, который я знал на всех уровнях – от кухонного до светского, и каждый раз, когда я не хотел выглядеть англичанином, я становился испанцем.

– Ваш хозяин завтракает здесь? – спросил он.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Он сказал ждать, я и жду.

Он говорил по-испански с тяжеловатым акцентом, и его фразы были грамматически простыми, столь же тщательно построенными, как и мои итальянские.

Я зевнул.

Может, это и совпадение. Похитители обычно слишком пугливы, чтобы идти на прямой контакт, и всеми способами скрывают свое лицо. Этот человек мог быть тем, кем казался – добропорядочным гражданином с журналом в руке, который искал шофера графа Риети и у которого выдалась свободная минутка поболтать.

Может быть. Если нет, то я расскажу ему все, что ему захочется знать, если спросит.

– Вы всегда возите синьора... Ченчи? – мимоходом спросил он.

– Конечно, – сказал я, – работа хорошая. Хорошо платят. Он человек серьезный. Но сам, конечно, никогда за руль не садится.

– Почему?

Я пожал плечами.

– Не знаю. У него прав нет. Приходится кому-то все время его возить.

Я не был уверен, что он понял мои слова, хотя я говорил достаточно медленно, немного сонно. Я снова зевнул и подумал, что, так или иначе, бесконечно-то он трепаться не будет. Я запомню его лицо, так, на всякий случай, хотя вряд ли он...

Он повернулся, словно и он считал разговор законченным, и я увидел его круглую прилизанную голову в профиль. По спине поползли мурашки. Я уже видел его... Я видел его возле «Скорой», сквозь ее затемненные окна. Тогда он был обвешан фотоаппаратами, а на рукавах пиджака у него были золотые застёжки. Я четко запомнил его. Он был тогда возле дома... и сейчас он был на месте встречи и задавал мне вопросы.

Это не совпадение.

Впервые я оказался в непосредственной близости от одного из членов этого скрытного братства, одного из врагов, с которыми я воевал через других людей и которые никогда не слышали о моем существовании. Я снова расслабился на сиденье, надвинул фуражку на глаза и подумал, что мои партнеры в Лондоне были бы чрезвычайно недовольны тем, что я нахожусь в этом месте в это время.

Если я его видел, то он меня тоже.

Это может не иметь значения, если он поверит в то, что я на самом деле шофер-испанец, уставший от ожидания. Если поверит, то он забудет меня. Но если нет, то я уже мог бы сидеть здесь с ножом в боку и спокойно остывать.

Снова провернув все в памяти, я вздрогнул. Я не ждал подобной встречи, и поначалу лишь привычка да инстинкт, усиленные настоящей усталостью, заставили меня отвечать ему так, как я отвечал. Меня жуть взяла от мысли, что судьба Алисии зависит от моего зевка.

Время шло. Пробило восемь. Я ждал, делая вид, что сплю. Больше никто не подходил к моему все еще открытому окну с расспросами.

Ченчи появился только после девяти, почти бегом, спотыкаясь, обливаясь потом. Я выскочил из машины, как только увидел его, вежливо открыл заднюю дверь и помог ему сесть, как и подобает шоферу.

– О господи, – сказал он, – я думал, что он вообще не позвонит... так долго...

– С Алисией все в порядке?

– Да... да...

– Куда теперь?

– Ох... – Он вздохнул, чтобы успокоиться, пока я садился за руль и заводил мотор. – Мы должны поехать в Мазару, в двенадцати километрах к югу. Там другой ресторан... еще один телефон. Через двадцать минут.

– Мгм... – протянул я. – В какую сторону отсюда?

– Умберто знает, – рассеянно ответил он. Это мало что мне объясняло, поскольку Умберто как раз и был настоящим его шофером, а он сейчас был в отпуске. Я вытащил дорожную карту из «бардачка» и разложил ее на пассажирском сиденье рядом с собой, безуспешно пытаюсь отыскать эту самую Мазару, привычно выводя машину со стоянки. Дорога, по которой мы ехали, шла на восток. Я повернул на первом же большом повороте на юг, и как только мы оказались вне пределов видимости с шоссе, я съехал на обочину и остановился, чтобы разобраться с географией. После еще одного поворота, подумал я, будет указатель. Мы и вправду доехали до Мазары раньше установленного срока, так что было еще время перевести дух. Мазара оказалась всего-навсего перекрестком.

По дороге Ченчи сказал мне:

– Алисия читала из сегодняшней газеты... конечно, это была лишь запись на пленке, наверняка запись, поскольку, когда я заговорил с ней, она продолжала читать... но услышать ее голос...

– Вы уверены, что это была она?

– О да! Она начала, как обычно, с одного из воспоминаний своего детства, как и было предложено. Это была Алисия, моя дорогая, драгоценная девочка.

Хорошо, подумал я. Пока все хорошо.

– Он сказал, – Ченчи громко сглотнул, – сказал, что, если на сей раз в выкупе обнаружатся «жучки», он ее убьет. Или если будут метки на банкнотах. И если за нами «хвост»... если мы не сделаем все в точности, как он говорит... если хоть что-то... хоть что-то будет не так, он убьет ее.

Я кивнул. Я верил в то, что так и будет. Второй шанс – это отчасти чудо. Третьего нам не дадут.

– Вы обещаете, – спросил он, – что он ничего не найдет на банкнотах?

– Обещаю, – ответил я.

В Мазаре Ченчи бросился к телефону, но ему снова пришлось пережить мучительное ожидание. Я, как и прежде, сидел в машине, словно коленца моего хозяина были мне по фигуре, и втихаря занимался изучением карты.

Ресторанчик здесь был маленьким: обычная забегаловка рядом с гаражом. Приходили и уходили люди, но их было немного. День под лучами солнца становился все жарче, и, как примерный шофер, я завел мотор и включил кондиционер.

Ченчи вернулся с пиджаком через руку и с благодарностью упал на сиденье в прохладном салоне.

– Кастелоро. Почему он так поступает?

– Обычная процедура, чтобы проверить, нет ли за нами «хвоста». Из-за последних событий он будет вдвойне осторожен. Наверняка нас будут пасти все утро.

– Я этого не вынесу, – сказал Ченчи.

Ничего, вынесет. Выдержал же шесть недель.

Я нашел дорогу на Кастелоро и поехал туда. Тридцать два километра, в основном по узкой, прямой, открытой сельской дороге. По обе стороны – поля. Любая машина, что станет нас преследовать, будет торчать как прыщ.

– Насчет вас он не беспокоится, – сказал Ченчи. – Я прямо сказал ему, что взял шофера, потому что страдаю эпилепсией и потому не могу водить машину. Он велел просто отдавать вам приказы, но ничего не объяснять.

– Хорошо, – сказал я и подумал, что если бы я был на ЕГО месте, то спросил бы у Алисии насчет эпилепсии и получил бы подтверждение.

В Кастелоро, маленьком старинном городке с мощенной брусчаткой центральной площадью, полной голубей, Ченчи нашел нужный телефон – он был в кафе, и на сей раз ждать ему не пришлось.

– Возвращаемся в Мазару, – устало сказал мне он.

Я развернулся и поехал назад тем же путем, что мы ехали сюда. Ченчи сказал:

– Он спросил меня, в чем я привез деньги. Я описал коробки.

– И что ОН сказал?

– Ничего. Просто велел следовать инструкциям. Иначе Алисию убьют. Он сказал, что убьет ее... страшно, – Ченчи поперхнулся и всхлипнул.

– Послушайте, – сказал я, – они не хотят ее убивать. Не сейчас, когда они так близки к цели. И что они имели в виду под этим «страшно»? Что-то... особенное?

Он опять всхлипнул.

– Нет.

– Они запугивают вас, – объяснил я. – Угрожают, чтобы вы не вмешивали в дело карабинеров, если вдруг даже сейчас вы позволили им следить за вами.

– Но я не позволял! – взвился он.

– Они должны убедиться. Похитители – очень нервная публика.

Раз они все еще угрожают, подумал я, то это дает надежду, поскольку свидетельствует о том, что они настроены на серьезную сделку. Они не из жестокости тупо гоняли нас – это была настоящая проверка.

На перекрестке в Мазаре нам снова пришлось долго ждать. Ченчи сидел в кафе – его было видно в окно – и дрожал над нетронутой чашкой кофе. Я вышел из машины, потянулся, немного прошелся туда-сюда, снова сел в машину и зевнул. Три машины заправлялись горючим, работник гаража скреб под мышками.

Солнце пылало высоко в голубом небе. Старушка в черном подъехала к перекрестку на велосипеде, повернула налево, уехала. Летняя пыль поднималась и оседала под колесами проезжающих фургонов. Я подумал о Лоренцо Травенти, который в прошлый раз привозил выкуп, а теперь лежал при смерти.

В кафе Ченчи вскочил на ноги и спустя некоторое время вернулся к машине. Состояние его было не лучше, чем прежде. Я открыл заднюю дверь и помог ему сесть в машину.

– Он говорит, – Ченчи глубоко вздохнул, – он говорит, что где-то у дороги между Мазарой и Кастелоро есть часовня. Говорит, мы уже дважды ее проезжали... но я не заметил...

Я кивнул:

– Я видел ее.

Я закрыл дверь и сел на свое место.

– Тогда хорошо, – сказал Ченчи. – Он велит положить коробку за часовней и уезжать.

– Хорошо, – с облегчением сказал я. – Дело сделано.

– Но Алисия... – застонал он. – Я спросил его, когда они освободят Алисию, а он не ответил, просто положил трубку...

Я завел мотор и снова поехал к Кастелоро.

– Потерпите, – утешал его я. – Им еще деньги надо пересчитать. Исследовать их на предмет меток. Может, после последнего случая им нужно оставить деньги немного полежать, чтобы понаблюдать, не следит ли кто за ними по сигналу. Они не отпустят Алисию, пока не удостоверятся в собственной безопасности, так что, боюсь, придется подождать. Запаситесь терпением.

Он тяжело вздохнул и застонал.

– Но они ведь отпустят ее... я же заплатил... они ведь отпустят ее?

Он отчаянно жаждал от меня утешения, и я грубовато ответил:

– Да. – Они отпустят ее, думал я, если будут удовлетворены выкупом, если не случится чего-нибудь непредвиденного, если они не психи и если Алисия не видела их лиц.

Милях в десяти от перекрестка, у кукурузного поля, стояла простая каменная придорожная часовенка – всего-то навсего стена высотой футов пять и шириной три, с выветренной статуей мадонны в фут вышиной в нише на фасаде, с поднятой в благословении рукой. Дожди смыли почти всю лазурь с ее плаща, вандалы отбили ей кончик носа, но у ее ног лежали засохшие веночки, а кто-то положил к ее стопам еще и конфеты.

Дорога, по которой мы ехали, казалась пустынной и тянулась прямо как стрела. Тут не было ни лесов, ни укрытий, ни препятствий. Нас наверняка было видно за много миль.

Ченчи стоял и смотрел, как я открываю багажник, вынимаю коробку и кладу ее позади часовенки. Коробка была достаточно вместительной – как раз для всего выкупа. Она стояла на пыльной земле, четырехугольная, коричневая, обыкновенная, перевязанная толстой бечевкой, чтобы было легче нести, весело расцвеченная красными наклейками. Почти миллион фунтов. Дом в Миконесе, коллекция табакерок, драгоценности его покойной жены, постоянный доход от оливковой плантации.

Ченчи несколько мгновений тупо смотрел на коробку, затем мы оба вернулись в машину. Я развернулся и поехал прочь.

Глава 4

Остаток субботы и все воскресенье Ченчи слонялся по своему имению, запоем пил бренди и худел на глазах.

Илария, в знак молчаливого протеста, как обычно, отправилась в теннисный клуб. Луиза, ее тетушка, перемещалась по дому, словно несомое ветром облачко, трогая то одну вещь, то другую, словно хотела удостовериться, все ли на месте.

Я съездил в Болонью, отослал пленки, вымыл машину. Лоренцо по-прежнему был на грани смерти и дышал с помощью аппарата, а на бедной пригородной улочке два похитителя все так же сидели, забаррикадировавшись, в квартире на третьем этаже. Обе стороны вели переговоры, но дело не двигалось, разве что передали молоко ребенку и хлеб и сосиски для остальных.

Воскресным вечером в библиотеку, где мы смотрели новости по телевизору, пришла Илария. Судя по репортажу, на той улице все было по-прежнему, разве только рассосалась толпа, обескураженная отсутствием зрелища, да стало поменьше народу в попугайской форме. Этот телерепортаж был уже простым поверхностным повтором.

– Вы думаете, они отпустят ее? – спросила Илария, когда сюжет сменился и на экране появились какие-то политики.

– Да.

– Когда?

– Не могу сказать.

– Положим, они скажут карабинерам, что не освободят ее, пока они не отпустят тех, в квартире? Вдруг выкуп окажется недостаточным?

Я бросил на нее взгляд. Она не старалась напугать нас – просто спрашивала с каким-то нездоровым интересом, будто в этом деле ее больше ничего не интересовало. На лице ее было неподдельное спокойствие. Казалось, ей действительно все равно.

– Утром я говорил с Энрико Пуччинелли, – сказал я. – Пока бандиты ничего такого не заявляли.

Она слегка фыркнула носом, переключила телевизор на трансляцию теннисного матча и села смотреть.

– Поймите, я не сука какая-нибудь, – вдруг сказала она. – Но что я могу поделать, если меня, как всех остальных, не тянет пасть на колени и лобызать землю, по которой она ступала?

– А шесть недель – многовато, чтобы постоянно рвать на себе волосы, так?

– Господи, – сказала она, – а вы соображаете! И не надо думать, что меня не радует ваше присутствие. Иначе папа опирался бы не на вас, а на меня, и в конце концов я послала бы его.

– Нет.

– Да.

Она не отрывалась от экрана.

– А как бы повели себя вы, если бы у вас был сын, а его похитили бы? – спросил я.

Она окинула меня взглядом.

– Ах вы, педик добродетельный, – буркнула она.

Я слегка усмехнулся. Она решительно вернулась к теннису, но где сейчас витают ее мысли, я не мог сказать.

Илария прекрасно говорила по-английски. Алисия, как мне сказали, тоже – благодаря заботам вдовы-англичанки, которая много лет вела хозяйство Ченчи после смерти их матери. Луиза, Илария и Алисия теперь распределили обязанности между собой, и повараха в отча-

янии жаловалась мне, что с тех пор, как милая миссис Блэкетт уехала к брату в Истбурн, в доме все вверх тормашками.

На другое утро по дороге в офис Ченчи сказал:

– Поворачивайте назад, Эндрю. Отвезите меня домой. Это плохо, но я не могу работать. Я просто буду сидеть и пялиться на стены. Я слышу людей, но не понимаю, что они говорят. Отвезите меня домой.

– Дома может быть еще хуже, – как бы между прочим заметил я.

– Нет. Поворачивайте.

Я развернулся и поехал назад на виллу. Ченчи позвонил секретарше, чтобы его не ждали.

– Ни о чем, кроме Алисии, думать не могу, – сказал он. – Вспоминаю ее маленькой девочкой, потом школьницей, то, как она училась ездить верхом. Она всегда была такая хорошенькая, такая маленькая, такая веселая... – Он сглотнул, повернулся и пошел в библиотеку. Через несколько секунд я услышал звон бутылки о стакан. Через некоторое время я вошел.

– Сыграем в триктрак, – предложил я.

– Сосредоточиться не могу.

– Попробуйте.

Я вытащил доску и расставил фигурки, но ходы он делал чисто механически и без души. Он не сделал ничего, чтобы воспользоваться моими промахами, и через некоторое время просто уставился в пространство, как не раз уже случалось с ним после того, как мы отвезли выкуп.

Около одиннадцати звонок стоявшего у его руки телефона вывел его из прострации, хотя и не слишком успешно.

– Да? Да, это Ченчи... – Он некоторое время слушал, затем нахмурился и в апатии посмотрел на трубку, прежде чем положить ее на место.

– Что там? – спросил я.

– Не знаю. Ничего особенного. Что-то насчет того, что мое барахло упаковано и что я могу его забрать. Я не понял, о чем речь... он бросил трубку, прежде чем я успел спросить.

Я глубоко вздохнул.

– Ваш телефон все еще прослушивается.

– Да, но... – Он замолк, глаза его округлились. – Вы думаете? Правда?

– Увидим, – сказал я. – Пока ни на что не надейтесь. Как звучал его голос?

– Грубый. – Он говорил неуверенно. – Не тот, что обычно.

– Ладно... в любом случае попытаемся. Лучше, чем тут сидеть.

– Но где? Он не сказал, где!

– Возможно... возможно, там, где мы оставили выкуп. По логике вещей она там.

Он прямо-таки расцвел надеждой, потому я поспешно сказал:

– Не надейтесь ни на что. Не верьте. Если ее там не окажется, вы не выдержите. Он может иметь в виду, что она где-нибудь еще. Но я думаю, что прежде всего следует поискать там.

Он попытался взять себя в руки, но лихорадочное возбуждение не проходило. Он побежал через весь дом к черному ходу, где стояла машина – я там ее припарковал. Надев фуражку, я шагом двинулся следом и увидел, что он бешено машет рукой, поторапливая меня. Я флегматично уселся за руль и подумал, что этот кто-то знал, что Ченчи дома, хотя обычно он в это время у себя в офисе. Может, ему в офисе об этом сказали... или по-прежнему за ним наблюдали. В любом случае я считал, что, пока Алисия не дома, я должен быть шофером до мелочей.

– Скорее, – подгонял меня Ченчи. Я неторопливо выехал из ворот. – Ради бога, скорее...

– Мы там будем. Не надейтесь.

– Ничего не могу с собой поделаться.

Я ехал быстрее обычного, но ему поездка все равно показалась вечностью. Когда мы подъехали к часовне, его дочери там не оказалось.

– О нет... нет... – прохрипел он. – Я не могу... не могу...

Я с тревогой посмотрел на него, но это было просто горе, не сердечный приступ.

– Ждите, – сказал я, выходя из машины. – Я проверю.

Я обошел часовню, заглянул туда, где мы оставили выкуп, и нашел ее там – без сознания, свернувшуюся клубочком, в сером клеенчатом плаще.

Отцы – странный народ. Остаток дня Паоло Ченчи переполняла не радость за то, что его любимая дочь жива, здорова и без последствий отделалась от наркотического сна, а боязнь того, что пресса узнает, что его дочь была обнаружена практически голый.

– Обещайте, что вы не скажете, Эндрю. Никому. Вообще никому.

– Обещаю.

Он требовал с меня это обещание по меньшей мере раз семь, хотя это вовсе не было обязательно. Если кто и проболтается, так сама Алисия.

Его ужасно беспокоило, что на ней не было одежды, особенно когда мы с ним обнаружили, пытаясь ее поднять, что плащ не был одет в рукава и застегнут. Серый покров просто соскользнул с нее.

У нее было тело подростка. Гладкая кожа, хрупкие руки и ноги, груди как непроклюнувшиеся почки. Ченчи был слишком растерян, чтобы коснуться ее, и потому я, универсальный советник, просунул ее руки в рукава и получше завернул ее в плащ. Ее было легко нести. Я уложил ее на бок на заднее сиденье, подогнув ей колени и подложив под курчавую голову свой свернутый пиджак.

Ченчи сел рядом со мной на переднее сиденье – тогда-то он и начал требовать от меня обещаний. Когда мы подъехали к вилле, он поспешил в дом, выскочил оттуда с одеялом, и я отнес Алисию, благопристойно укутанную, в ее спальню в полакра площадью.

Илари и Луизы поблизости не наблюдалось. Ченчи отпустил повариху, поскольку она была чересчур разговорчивой, и наконец спросил, заикаясь, не буду ли я любезен переодеть ее, пока не придет врач. Ведь я уже видел Алисию, сказал он. Я обалдел, но сделал, как он просил.

Я надел Алисии через голову трикотажную голубую рубашку, просунул руки в рукава, одернул подол и подумал о том, что я и сам-то еще не совсем проснулся. Я уложил ее поверх застеленной постели и накрыл до пояса одеялом. Пульс у нее был хороший, четкий, кожа холодная, дышала она легко – наверняка ее напичкали снотворным, вот и все.

Ее тонкое лицо было спокойно, расслабленно, длинные ресницы лежали бахромчатыми полулуниями на упругой коже щек. Четкие брови, бледные губы, впалые щеки. Волосы взъерошенные, явно грязные. Пусть поспит, подумал я. Когда проснется, ей выпадет много беспокойства.

Я спустился вниз и снова застал Ченчи за бренди. На сей раз он пил стоя.

– С ней все в порядке? – спросил он.

– Все. Абсолютно все.

– Прямо чудо.

– Мгм...

Он поставил стакан и заплакал.

– Простите. Не могу сдержаться.

– Это обычное дело.

Он взял платок и высморкался.

– Все родители плачут?

– Да.

Он еще пару раз сморкнулся и спросил:

– Странная у вас жизнь, не так ли?

– Не совсем так.

– Не говорите, что она была раздетой. Обещайте, Эндрю.

– Обещаю.

Я сказал, что мне придется известить Пучинелли о том, что с ней все в порядке. Он тут же забеспокоился и снова потребовал от меня обещания. Я спокойно дал его, поскольку стресс штука странная и возвращение жертвы отнюдь еще не конец тревогам.

К счастью, Пучинелли был на дежурстве, сидел в «Скорой», хотя я скорее всего передал известие прямо подслушивающему устройству.

– Она дома, – кратко сообщил я. – Я на вилле. Она наверху.

– Алисия? – в голосе его звучало недоверие, облегчение, смешанное с подозрением.

– Собственной персоной. Ее напичкали снотворным, но она цела и невредима. Не торопись, она скорее всего еще несколько часов проспит. Как ваша осада?

– Эндрю! – он начал злиться. – Что происходит?

– Ты приедешь сам?

Короткая пауза. Он как-то сказал мне, что я всегда облакаю предложение в форму вопроса. Думаю, он прав. Внушить мысль, найти решение. Он знал, что телефон прослушивается – сам приказал это сделать – и каждое слово записывается. Он мог догадаться, что у меня есть что сказать ему с глазу на глаз.

– Хорошо, – сказал он. – Приеду.

– У тебя теперь, естественно, появился хороший рычаг, чтобы выковырнуть из квартиры тех двух бандитов, правда? И... м-м-м... когда заберешь выкуп, не привезешь ли ты его прямо сюда? Деньги, конечно же, принадлежат синьору Ченчи.

– Конечно, – сухо отрезал он. – Но это не мне решать.

– Мгм... Ладно. Я, естественно, заснял все банкноты.

Молчание.

– А ты знаешь, что ты сволочь?

– Ну, понимаешь ли, и прежде вещи пропадали из полицейского хранилища.

– Ты оскорбляешь карабинеров! – воскликнул он в искреннем негодовании.

– Ни в коем разе. Полицейские участки – это тебе не банки. Я уверен, что карабинеры были бы рады отделаться от ответственности за охрану таких больших денег.

– Это вещественное доказательство.

– Остальные похитители, между прочим, до сих пор гуляют на свободе и, несомненно, все еще хотят денег. Деньги можно спрятать от них, официально опечатав и поместив в банк по выбору синьора Ченчи.

Молчание.

– Возможно, я сумею это устроить, – жестко, еще не отойдя от обиды, ответил он. – Вне всякого сомнения, мы увидимся на вилле.

Я со скорбной улыбкой положил трубку. Самому-то Пучинелли я доверял, но это не значит, что я автоматически доверяю всем стражам порядка. Особенно в южноамериканских странах – я там несколько раз работал. Там похитители регулярно дают взятки или угрожают полицейским, чтобы те смотрели не туда, куда нужно. Это почти повсеместный обычай. У похитителей нет угрызений совести, они редко бывают милосердны, и многим полицейским приходится выбирать между долгом и безопасностью своих жен и детей.

Не прошло и десяти минут, как Пучинелли перезвонил.

– Я звоню сказать, что тут кое-что продвинулось. Приезжай, если хочешь. Подъезжай на ту улицу с западной стороны, отсюда. Я уверен, что ты понимаешь.

– Спасибо.

Мои партнеры этого не одобрили бы, но я поехал. Я изучал много случаев осад и бывал на лекциях, которые вели люди, участвовавшие в них, но никогда не видел всего своими глазами. Слишком удачный случай, чтобы упустить его. Я переоделся и превратился из шофера-испанца в неприметного зеваку, занял у Ченчи семейный автомобиль и с рекордной скоростью очутился на той болонской улице.

Пучинелли, как всегда, держал слово: пропуск ждал меня у первого же ограждения. Я легко прошел к все еще стоявшей там «Скорой». Вошел в нее, как и прежде, через ближайшую к тротуару дверь и обнаружил там Пучинелли, инженера и трех человек в штатском.

– Явился, – проворчал он.

– Ты весьма добр.

Он еле заметно улыбнулся мне и представил меня гражданским. Это был человек, который вел переговоры, и два психиатра.

– Эти два господина консультируют нас насчет изменения в психическом состоянии похитителей. – Пучинелли говорил официально, они важно кивали в ответ. – В основном их психическое состояние связано с младенцем, – сказал Пучинелли. – Он много кричит. Вероятно, молоко, которое мы ему передали, еще сильнее расстроило ему желудок.

Словно по заказу «жучок», что стоял в квартире, стал передавать все нарастающий рев младенца, который снова принялся за свое дело. По лицам этих пятерых я понял, что не только бандиты от этого рева осатанели.

– Сорок минут назад, – сказал Пучинелли, уменьшая громкость воя младенца, – басовитый бандит позвонил мне и сказал, что они выйдут, но только на определенных условиях. Никакого самолета не надо – они отказались от этой затеи. Они хотят только быть уверенными, что в них не будут стрелять. Минут еще через двадцать... то есть час спустя после того, как они позвонили... они сказали, что выйдет мамаша с ребенком. Затем один из похитителей. Нигде, ни в одной квартире карабинеров быть не должно. На лестнице тоже, также у передней двери и на тротуаре. Мамаша с ребенком выйдут на дорогу, за ними – первый бандит. Оружия у него не будет. Если его возьмут спокойно, то выйдет один из детей, затем, через некоторое время, их отец. Если второй бандит будет уверен, что ему ничто не угрожает, он выйдет со вторым ребенком на руках. Без оружия. Мы должны взять его тихо.

Я посмотрел на него.

– Они сами все так решили? Или ты подслушал их план через «жучок»?

Он покачал головой.

– Я ничего не слышал.

– Они позвонили уж слишком быстро после того, как Алисия вернулась.

– Подозрительно быстро.

– Ты будешь искать рацию?

– Да. – Он вздохнул. – Последние дни мы сканировали радиочастоты. Результатов никаких, но я пару раз до того подумывал о том, что бандитам давали инструкции.

Инструкции от разума, холодного и наглого, подумал я. Жаль, что такие мозги принадлежат преступнику.

– А что они намерены сделать с деньгами?

– Оставят их в квартире.

Я глянул на экран, который показывал, где находится сигнал от кейса с деньгами, но было темно. Я наклонился, щелкнул переключателем, и на экране послушно возник сигнал. Четкий и устойчивый. По крайней мере выкуп все еще там.

– Я бы хотел подняться, как представитель синьора Ченчи, – сказал я, – чтобы удостовериться в том, что деньги в целости и сохранности.

– Ладно, – ответил Пучинелли, подавляя раздражение.

– Это очень большая сумма, – рассудительно сказал я.

– Да... да, полагаю, что так. – Он ворчал, как я понимал, отчасти оттого, что был сам по себе человеком честным, а отчасти оттого, что он был левым. Такое богатство в руках одного-единственного человека было для него оскорблением, и ему было наплевать, потеряет ли Ченчи эти деньги.

Окна квартиры через улицу напротив были все еще закрыты, хотя день был жарким.

– Они что, так их и не открывали? – спросил я.

Пучинелли окинул дом взглядом.

– Бандиты открывали окна на короткое время, когда мы на рассвете выключали прожекторы. Но шторы и тогда были задернуты. В остальных квартирах сейчас уже никого не осталось. Мы вывезли всех ради их же безопасности.

Внизу на дороге возникло какое-то движение. Большую часть полицейских машин отогнали, освободив место. За парой оставшихся притаились карабинеры. Металлические загородки на улице удерживали зевак. Телефургон был вроде бы закрыт. Пара-другая фоторепортеров сидели на земле в его тени, попивая пиво из банок.

Безо всякого предупреждения из дома вышла молодая женщина с младенцем, прикрывая рукой глаза от яркого солнечного света. Она была вся взъерошена. К тому же на последних месяцах беременности.

Пучинелли вскочил как ужаленный, глянул на часы и выбежал из «Скорой».

– Рановато они, – сказал он.

Я следил за ним сквозь темное стекло. Он сразу же зашагал к женщине, взял ее под руку. Она повернула к нему голову и тут же начала падать. Пучинелли подхватил младенца и яростно закивал головой своим людям за машинами.

Один из них бросился вперед, бесцеремонно поставил теряющую сознание женщину на ноги и затолкал в одну из машин. Пучинелли брезгливо посмотрел на младенца и понес его на вытянутых руках следом за мамашей. Отдав его, он с отвращением отер руки платком.

Фотокорреспонденты и телефургон сразу же ожили, будто их к сети подключили. Из дома вышел пухлый молодой человек, сделал три шага и поднял руки вверх.

Пучинелли, спрятавшись теперь за второй машиной, просунул руку в окно, вытащил мегафон и заговорил:

– Лечь лицом вниз! Ноги в стороны! Руки вытянуть!

Пухлый юнец немного помедлил, будто собирался вернуться назад, затем сделал как было приказано.

Пучинелли заговорил снова:

– Лежи тихо. В тебя не будут стрелять.

Повисло долгое напряженное молчание. Затем на улицу вышел мальчик лет шести, в шортиках и рубашке, в ярких бело-голубых кроссовках. Его мать отчаянно замахала ему в окно машины, и он бросился к ней, оглядываясь на лежащего на земле человека.

Я включил на полную мощность сигнал от «жучка» в квартире. Однако там по-прежнему не было слышно никаких разговоров, просто какое-то хрюканье да шум непонятных передвижений. Через некоторое время и они затихли, а вскоре на улицу вышел молодой человек со связанными за спиной руками. Его шатало, вид у него был изможденный, подбородок зарос щетиной. При виде лежащего на земле похитителя он застыл на месте.

– Идите к машинам, – сказал в мегафон Пучинелли. – Вы в безопасности.

Казалось, мужчина просто не способен был двигаться. Пучинелли, снова подставляясь под возможный огонь преступника, спокойно перешел через дорогу, взял его за руку и завел за машину, в которой сидела его жена.

Психиатры, наблюдавшие за сценой, качали головами, осуждая поведение Пучинелли, – они не одобряли такой отчаянной отваги. Я взял лежавший на скамье бинокль и

навел его на окна напротив, но там не было заметно никакого шевеления. Затем я глянул на зевак у загородки на улице, пристально рассмотрел фотографов, но там не было никого похожего на того человека, которого я встретил на стоянке у дороги.

Я положил бинокль. Время тянулось бесконечно, было жарко и тихо, и я, как и все остальные, стал подумывать, уж не случилось ли в последнюю минуту какого-нибудь несчастного случая, который сорвет все дело, и преступник не сдастся. «Жучок» молчал. На улице все застыли в ожидании. Прошло уже сорок шесть минут с того времени, как вышла мать с младенцем.

Пучинелли заговорил в мегафон – твердо, но без угрозы:

– Вынесите ребенка. Вам не причинят вреда.

Ничего не произошло.

Пучине дли повторил приказ.

Ничего.

Я подумал о карабинерах, об отчаянии, о самоубийстве, убийстве и злобе.

– Ваш единственный шанс когда-либо выйти из тюрьмы – это если вы выйдете, как было условлено.

Никакого результата.

Рука Пучинелли с мегафоном скрылась в окне машины, и он снова появился с пистолетом в руке. Он засунул его за пояс сзади и без особой суеты пошел прямо через улицу к двери дома.

Психиатры разинули рты и стали возбужденно жестикулировать, а я подумал – интересно, хватило бы у меня духу поступить в подобных обстоятельствах так, как Пучинелли?

Выстрелов не было. По крайней мере мы не слышали. Вообще никаких звуков не было слышно. Просто опять повисло тягостное молчание.

Карабинеры за машинами начали опасно беспокоиться из-за того, что их начальник не возвращается, и уже поглядывали друг на друга, размахивая карабинами. Инженер в «Скорой» еле слышно матерился, а «жучок» все молчал. Если в ближайшее время ничего не произойдет, то мы будем иметь еще одну бешеную, разрушительную, неподготовленную атаку.

Затем в дверях внезапно появилась какая-то фигура. Дюжий мужчина нес девочку на одной руке – легко, словно перышко. За ним вышел Пучинелли. Пистолета в его руке не было. Он показал на первого похитителя, так и лежавшего пластом на земле, и здоровенный бандит с яростным непокорством во взгляде перешагнул через него и опустил девочку на землю. Затем сам лег, распластавшись, а девочка, только-только научившаяся ходить, посто-яла некоторое время, глядя на него, а затем тоже улеглась на землю, словно это была игра.

Карабинеры повыскакивали из-за машин, как злые духи из откупоренной бутылки, и бросились к лежащим с карабинами и наручниками наготове отнюдь не с нежной заботливостью. Пучинелли проследил, как бандитов отвели в пустую машину, а девочка вернулась к родителям. Затем он как ни в чем не бывало опять подошел к открытой двери «Скорой», словно бы выходил пройтись.

Он поблагодарил того, кто вел переговоры, психиатров и кивком попросил меня выйти за ним. Я так и сделал. Мы перешли через улицу, вошли в двери дома и поднялись по каменной лестнице.

– Этот громила, – сказал Пучинелли, показывая вверх, – был здесь, прямо наверху, на седьмом этаже, где лестница выходит на крышу. Я не сразу нашел его. Но мы, естественно, забаррикадировали эту дверь. Он не смог выйти.

– Он буянил?

Пучинелли рассмеялся.

– Он сидел на лестнице, держа девочку на коленях, и рассказывал ей сказку.

– Что?

– Когда я поднялся по лестнице с пистолетом наготове, шоу уже было окончено, и он это понимал. Я сказал ему, чтобы он шел на улицу. Он ответил, что хочет еще немного тут побыть. Сказал, что у него самого ребенок такого же возраста и что он уже никогда не сможет посидеть с ним на коленях.

«Душещипательная история», – подумал я.

– И что ты сделал?

– Сказал ему спускаться немедленно.

Это «немедленно», однако, затянулось довольно надолго. Пучинелли, как и все итальянцы, был чадолюбив, и, как я понимал, карабинеры тоже бывают сентиментальны.

– Этот бедный папаша, – сказал я, – похитил чью-то дочь и застрелил чьего-то сына.

– У тебя сердце ледяное, – ответил Пучинелли.

Он пошел впереди меня в ту квартиру, которую осаждали четыре с половиной дня. Жара и вонь там стояли неопишуемые. Сказать, что тут было грязно, значит не сказать ничего. В квартире нестерпимо воняло потом и гниющими объедками. Кроме того, в трех маленьких комнатах валялись совершенно неприличные кучи тряпок и лохмотьев, а также газеты – младенец, которого чистило в оба конца, не только орал.

– Как только они это терпели? – изумился я. – Вымыть, что ли, не могли?

– Мать хотела. Я слышал, как она просила. Они не позволили ей.

Мы с трудом прокладывали себе дорогу через этот бардак. Кейс с выкупом нашли почти сразу же – он лежал под кроватью. Насколько я мог судить, содержимое было в целости и сохранности. Это хорошая новость для Ченчи. Пучинелли кисло посмотрел на пачки банкнот и начал искать рацию.

У самих владельцев квартиры было радио – оно открыто стояло на телевизоре, но Пучинелли покачал головой, сказав, что это уж слишком просто. Он начал методические изыскания и наконец нашел рацию на кухне в коробке из-под макарон.

– Вот она, – сказал он, смахивая в сторону макарон-ракушки. – С наушниками.

Маленькая, но сложная «уоки-токи», с убирающейся антенной.

– Не сбей частоту, – сказал я.

– Я не вчера родился. Да и тот, кто передавал указания, думаю, тоже.

– Он мог не все продумать.

– Мог. Все преступники иногда маху дают, иначе мы никогда бы не поймали никого. – Он тщательно обмотал провод с наушниками вокруг рации и положил ее у двери.

– Как думаешь, – спросил я, – какой у нее диапазон?

– Не больше нескольких миль. Я выясню. Но, думаю, все равно слишком большой, чтобы нам это помогло.

Оставались еще пистолеты. Это было просто – Пучинелли нашел их на подоконнике, когда велел поднять один из прожекторов, чтобы дать нам побольше света.

Мы оба посмотрели из окна вниз. «Скорая» и заграждения все еще были на месте, хотя драма уже закончилась. Я подумал, что прежнее скопище полицейских машин и вооруженного до зубов народа, спрятавшегося за ними, представляло собой страшноватое зрелище. Вместе с жарой, младенцем, прожекторами и вонью это наверняка держало бандитов на грани.

– Он в любой момент мог бы тебя застрелить, – сказал я, – пока ты шел по улице.

– Я решил, что он не будет стрелять, – бесстрастно сказал он. – Но когда я крался по лестнице, – он криво улыбнулся, – тут уж я засомневался.

Он по-свойски кивнул мне, пусть и сухо, и ушел, сказав, что позаботится, чтобы выкуп привезли, и пошлет людей забрать и зарегистрировать пистолеты и рацию.

– Ты останешься здесь? – спросил он.

Я поморщился.

– На лестнице снаружи посижу.

Он улыбнулся и пошел прочь, а потом, как и полагается, пришли полицейские. Я сопровождал выкуп до банка, выбранного Пучинелли, проследил за перевозкой вплоть до хранилища и взял расписку у банка и карабинеров. Затем, отправившись за машиной Ченчи, по пути я сделал обычный звонок с переводом оплаты на абонента в Лондон. Отчеты о проделанной работе должны были поступать регулярно, а в ответ я получал полезные плоды коллективной мысли нашего офиса.

– Девушка дома, – отчитался я. – Осада окончена. Первый выкуп цел. А что мне будет за второй?

– Завтра утром разберемся.

– Ладно.

Они хотели узнать, когда я вернусь.

– Через два-три дня, – ответил я. – Зависит от девушки.

Глава 5

Алисия проснулась вечером, совершенно разбитая. Ченчи взлетел по лестнице наверх, чтобы заключить ее в объятия, и вернулся вниз с глазами на мокром месте, сказав, что она все еще никак не может проснуться окончательно и поверить, что она дома.

Я не видел ее. Илария по предложению тетушки Луизы проспала всю ночь на поставленной в комнате Алисии еще одной постели. Похоже, она была искренне рада возвращению сестры. Утром она спокойно спустилась к завтраку и сказала, что Алисия чувствует себя плохо и не хочет вылезать из ванной.

– Почему? – испуганно спросил Ченчи.

– Говорит, что она грязная. Уже дважды вымыла волосы. Говорит, что от нее воняет.

– Но ведь это не так, – запротестовал он.

– Не так. Я ей сказала. Эффекта никакого.

– Дайте ей немного бренди и флакон духов, – посоветовал я.

Ченчи непонимающе уставился на меня, а Илария хмыкнула:

– Почему бы и нет?

Она пошла отнести все это сестре. Сегодня утром она держалась куда свободнее, чем все время прежде, как будто освобождение сестры стало освобождением и для нее.

К полудню приехал Пучинелли со стенографистом. Алисия спустилась к нему. Стоя в холле рядом с Пучинелли, я смотрел на нерешительно спускающуюся по лестнице фигурку и прямо-таки ощущал ее неодолимое желание спрятаться. Она остановилась, не дойдя до конца лестницы четыре ступеньки, и оглянулась, но Иларии, которая ходила позвать ее, нигде не было.

Ченчи шагнул вперед и обнял ее за плечи, вкратце объяснив, кто я такой, и сказав, что Пучинелли хочет знать все, что с ней произошло, надеясь найти в этом ключ, который поможет ему арестовать виновных.

Она слегка кивнула. Лицо ее было бледным.

Я видел жертв похищений, которые при возвращении домой впадали в буйную радость, в истерику, в апатию – все это было шоком. Состояние Алисии как раз подходило для подобного случая – смесь робости, отстраненности, слабости, облегчения и страха.

Волосы ее были еще влажными. На ней были футболка и джинсы. Никакой косметики. Она казалась беззащитной шестнадцатилетней девочкой, только что оправившейся от болезни, девочкой, которую я видел раздетой. Но уж на что она точно не была похожа, так на любимицу всех европейских ипподромов, чье лицо не сходило с обложек журналов.

Ченчи отвел ее в библиотеку, и мы расселись по креслам.

– Пожалуйста, – сказал Пучинелли, – расскажите нам о том, что случилось. С самого начала.

– Я... это было, кажется, так давно... – Она говорила, обращаясь по большей части к отцу, изредка поглядывая на Пучинелли и вовсе не глядя на меня. Она все время говорила по-итальянски, хотя медленно и с частыми паузами, так что я легко понимал ее. На миг в голове промелькнула мысль, что я после приезда изрядно поднатерел в итальянском и лишь теперь это заметил. – Я скакала на местном ипподроме... но ты же знаешь.

Ченчи кивнул.

– Я выиграла скачку, что была в шесть. Но результат оспорили...

Теперь кивнули уже оба – и Ченчи, и Пучинелли. Помощник, не поднимая глаз, сосредоточенно стенографировал.

– Я поехала домой. Я думала об Англии. О том, как буду скакать на Брунеллески в Дерби... – Она замолкла. – Он выиграл?

Ее отец растерянно посмотрел на нас. Вряд ли после ее исчезновения он заметил бы даже пришествие марсиан.

– Нет, – ответил я. – Пришел четвертым.

– О, – рассеянно сказала она, а я не стал объяснять, что знаю, какой пришла лошадь, только потому, что на ней должна была скакать она. Обычное любопытство и ничего больше.

– Я была уже... я уже видела дом. Почти у ворот. Я сбросила скорость, чтобы повернуть...

Классическое место для похищения – у самого дома жертвы. У нее была красная спортивная машина, кроме того, она в тот день ехала, опустив крышу, как всегда делала при хорошей погоде. Услышав это, я подумал, что некоторые люди в прямом смысле слова облегчают задачу похитителям.

– Тут ко мне подъехала машина... Я ждала, пока она проедет, чтобы повернуть к дому... но она не проехала, она вдруг остановилась между мной и воротами... загородила дорогу... – Она замолчала и с мучительным беспокойством посмотрела на отца. – Я ничего не смогла сделать, папа. Правда.

– Милая, дорогая моя... – Казалось, даже сама мысль удивила его. Он не видел, как я, верхушки айсберга, который называется комплексом вины. Но ведь он не так часто, как я, с этим сталкивался.

– Я не могла понять, что они делают, – продолжала она. – Затем вдруг все двери той машины сразу открылись, и оттуда выскочили четверо... все в этих ужасных масках... правда, ужасных... маски демонов и чудовищ. Я подумала, что они хотят меня ограбить. Бросила им свой кошелек и попыталась дать задний ход... а они запрыгнули в мою машину... просто запрыгнули... – Она замолчала. Слишком разволновалась. – Все было так быстро, – виновато говорила она. – Я ничего не смогла сделать...

– Синьорина, – спокойно сказал Пучинелли, – тут нечего стыдиться. Если бандиты хотят кого-нибудь похитить, то они это делают. Даже вся охрана Альдо Моро не смогла им помешать. А тут молодая девушка в открытой машине... – Он выразительно пожал плечами, даже не считая нужным закончить предложение. По крайней мере на некоторое время она успокоилась.

Месяцем раньше в частном разговоре он сказал мне, что любая богатая девушка, которая разезжает в открытой спортивной машине, просто провоцирует грабителей и насильников.

– Я не хочу сказать, что они не похитили бы ее так или иначе, но она вела себя глупо. Она просто облегчила им задачу.

– Мало радости в жизни, если тебе двадцать три, если ты достиг успеха и не можешь позволить себе покататься в солнечный денек в открытой спортивной машине. Что бы ты ей посоветовал – ездить в закрытом почтенного возраста автомобиле с запертыми дверьми?

– Да, – ответил он. – Да и ты тоже, если бы твою фирму насчет этого спросили. Вам за такие советы и платят.

– Довольно верно.

Алисия продолжала:

– Они надели мне на голову мешок... от него шел какой-то сладкий запах...

– Сладкий? – спросил Пучинелли.

– Понимаете, как эфир. Хлороформ. Что-то вроде этого. Я пыталась сопротивляться... они держали меня за руки... вроде бы подняли меня... больше ничего не помню.

– Они вытащили вас из машины?

– Наверное. Должны были.

Пучинелли кивнул. Ее машину нашли в доброй миле от дома, на стоянке у фермы.

– Я проснулась в палатке, – сказала Алисия.

– В палатке? – растерянно спросил Ченчи.

– Да... ну... она стояла в комнате, но я не сразу это поняла.

– Что за палатка? – спросил Пучинелли. – Опишите.

– О... – Она слабо пошевелила рукой. – Я каждый стежок могу описать. Зеленый брезент. Около двух с половиной квадратных метров... чуть меньше. Стенки были... я не могла в ней встать.

Каркасная палатка.

– У нее был пол. Очень плотная ткань. Серая. Водонепроницаемая, наверное, хотя это не имеет значения...

– Что случилось, когда вы проснулись? – продолжал Пучинелли.

– Один из них стоял возле меня на коленях и бил меня по щекам. Сильно. «Давай, – говорил он. – Давай». Когда я открыла глаза, он заворчал на меня и сказал, что я должна повторить несколько слов и потом могу снова спать.

– Он был в маске?

– Да... морда черта... оранжевая... вся в бородавках.

Мы все знали, что это были за слова. Мы все их не раз слышали, снова и снова прокручивая первую пленку. «Это Алисия. Пожалуйста, сделайте, как они говорят. Иначе меня убьют». Голос был пьяным от наркотиков, но все же узнаваемым.

– Я понимала, что говорю, – сказала она. – Я поняла, когда окончательно проснулась... но когда я говорила эти слова, все у меня в голове плыло. Я и маски-то толком не могла рассмотреть... я просто отключалась и просыпалась снова.

– Вы когда-нибудь видели кого-нибудь из них без маски? – спросил Пучинелли.

Еле заметная улыбка скользнула по ее губам.

– Я больше никого из них не видела, даже в масках. Вообще никого. Первым человеком, которого я увидела с того самого дня, была тетюшка Луиза... Она сидела у моей кровати... вышивала... и я подумала, что сплю... – На глаза ее неожиданно навернулись слезы. – Они сказали, что, если я увижу их лица, они меня убьют. Сказали, чтобы я и не пыталась увидеть их... – Она сглотнула комочек. – Ну... я и не... пыталась...

– Вы поверили им?

Молчание. Затем она сказала «да» с такой уверенностью, что мы как наяву представили то, что ей пришлось пережить. Ченчи, который и сам верил в эти угрозы, был просто потрясен. Пучинелли твердо заверил ее, что, по его мнению, она была права. Я тоже так думал, хотя об этом и не говорил.

– Они сказали... что я в целости и сохранности попаду домой, если буду вести себя тихо... и если вы за меня заплатите. – Она по-прежнему старалась не плакать. – Папа...

– Дорогая моя... я все бы отдал! – Он сам того гляди готов был разрыдаться.

– Да, – сухо подтвердил Пучинелли. – Ваш отец заплатил.

Я посмотрел на него.

– Он заплатил, – повторил он, твердо глядя на Ченчи. – Сколько и где – знает только он. Иначе вас бы не освободили.

– Я был рад тому, что мне выпал шанс, после того, как ваши люди... – защищаясь, заговорил Ченчи.

Пучинелли быстро прокашлялся и сказал:

– Продолжим. Синьорина, опишите, пожалуйста, как вы жили последние шесть недель.

– Я не знала, сколько времени это тянулось, пока тетя Луиза мне не сказала. Я потеряла счет времени... столько дней... да это и не имело значения. Я спрашивала, почему так долго, но они не отвечали. Они никогда не отвечали. Не было смысла спрашивать... но я иногда

все же спрашивала, чтобы услышать собственный голос. – Она замолчала. – Странно разговаривать так. Я целые дни вообще ничего не говорила.

– А они говорили с вами, синьорина?

– Они давали приказы.

– Какие?

– Забрать еду. Выставить... парашу... – Она осеклась, затем сказала: – В этой комнате все это так дико звучит...

Она обвела взглядом благородные книжные шкафы, возвышавшиеся до самого потолка, обитые шелком кресла, бледный китайский ковер на мраморном полу. Каждая комната в этом доме была полна непринужденной атмосферы благополучия, старинных вещей, стоявших тут десятилетиями, сокровищ, уже воспринимаемых как должное. За свою карьеру жокея она, наверное, не раз жила в бедных комнатенках, но сейчас она взирала на свои корни, как я понимал, свежим взглядом.

– В палатке, – сказала она покорно, – был кусок пенополиуретана, на котором я спала, и еще кусок поменьше, вместо подушки. Там еще была параша... обыкновенная бадья, как в конюшнях. Больше ничего. – Она помолчала. – С одной стороны палатки была «молния». Она открывалась только на пятнадцать сантиметров... выше она была заклинена. Они говорили мне, когда ее расстегнуть, и я находила там еду...

– Вы могли видеть из палатки комнату? – спросил Пучинелли.

Она покачала головой.

– За «молнией» была еще одна палатка... но слегка провисшая вроде бы... в смысле, установленная не так, как другая палатка для жилья... – Она помолчала. – Они велели мне и не пытаться проникнуть в нее. – Снова молчание. – Еда всегда стояла так, что я легко могла ее достать. Прямо за «молнией».

– Что за еда? – спросил Ченчи, глубоко встревоженный.

– Макароны. – Молчание. – Иногда горячие, иногда холодные. С подливой. Думаю, консервированные. Короче, – устало сказала она, – их приносили два раза в день. И со второй порцией обычно бывали снотворные таблетки.

Ченчи было негодующе выкрикнул что-то, но Алисия сказала:

– Мне было все равно. Я просто глотала их... все лучше, чем бодрствовать.

Повисло молчание. Затем Пучинелли сказал:

– Вы слышали что-нибудь, что могло бы помочь нам обнаружить, где вас держали?

– Слышала? – Она рассеянно посмотрела на него. – Только музыку.

– Какую?

– Ох... записи. Запись, все время одну и ту же.

– Что это была за музыка?

– Верди. Оркестровые произведения, без голоса. Три четверти пленки – Верди, затем поп-музыка. И тоже без пения.

– Вы можете записать все музыкальные фрагменты по порядку?

Она слегка удивленно посмотрела на него, но ответила:

– Да, наверное. Я знаю все названия.

– Если вы сделаете это сегодня, я пришлю человека за списком.

– Хорошо.

– Вам что-нибудь еще приходит в голову?

Она тупо уставилась в пол. Тонкое ее лицо было полно усталости – сейчас, после освобождения, мыслительные усилия были для нее еще слишком утомительны. Затем она сказала:

– Раза четыре мне велели зачитать вслух несколько предложений, причем каждый раз говорили, чтобы я упомянула что-нибудь из моего детства, о чем мог бы знать только мой отец, чтобы он поверил, что я еще... что со мной все хорошо.

Пучинелли кивнул:

– Вы читали из ежедневных газет.

Она покачала головой.

– Это были не газеты. Просто предложения, напечатанные на обыкновенной бумаге.

– Эти бумажки оставались у вас?

– Нет... они приказывали мне передавать их после прочтения сквозь то отверстие. –

Она помолчала. – Они выключали музыку только тогда, когда записывали меня.

– Вы видели микрофон?

– Нет... но я четко слышала сквозь палатку, как они разговаривают, потому я думаю, что они записывали меня снаружи.

– Вы могли бы припомнить их голоса?

Она невольно вздрогнула.

– Два – да. Они больше всего говорили. Но были и другие. Тот, что делал записи... я узнаю его. Голос был такой... холодный. Второй был такой отвратительный... казалось, он наслаждается этим... но хуже всего он был в самом начале... или я привыкла, и мне стало все равно. Затем был один, который все время извинялся... «Прошу прощения, синьорина», – говорил он, когда приносил еду. А один просто ворчал... Никто из них не отвечал, когда я говорила.

– Синьорина, – сказал Пучинелли, – если мы прокрутим вам одну из тех записей, что получил ваш отец, вы скажете нам, если узнаете голос?

– О... – Она сглотнула. – Да, конечно.

У него с собой был маленький магнитофон и копии записей. Она опасливо смотрела, как он вставляет кассету и нажимает на кнопку. Ченчи крепко взял ее за руку, словно мог защитить от того, что ей предстояло услышать.

– Ченчи, – послышался ЕГО голос, – ваша дочь Алисия у нас. Мы вернем ее после того, как вы заплатите пятнадцать миллиардов лир. Послушайте голос своей дочери.

Щелчок. Затем голос Алисии. Потом снова ОН:

– Поверьте ей. Мы ее уьем, если вы не заплатите. Не тяните. С карабинерами не связывайтесь, иначе вашу дочь изобьют. Мы будем бить ее за каждый день опоздания, а также...

Пучинелли решительно нажал кнопку, резко и безжалостно отсекая самые страшные, мерзкие угрозы. Алисию и так трясло, она едва могла говорить. Она коротко и выразительно кивала.

– Вы можете поклясться?

– Д-да...

Пучинелли убрал магнитофон.

– На всех записях один и тот же мужской голос. Мы провели экспертизу голоса, чтобы быть уверенными.

У Алисии пересохло во рту, она с трудом сглотнула слюну.

– Они меня не били. Даже не угрожали. Они ничего подобного не говорили.

Пучинелли кивнул.

– Угрозы были для вашего отца.

– Папа, – с напряженным волнением сказала она, – ты же не заплатил столько? Это же все... ты же не мог...

Он ободряюще покачал головой.

– Нет-нет, ничего подобного. Не волнуйся... успокойся...

– Простите, – сказал я по-английски.

Все удивленно повернулись ко мне – словно вдруг обои заговорили.

– Синьорина, – спросил я, – вас ни разу не перевозили с места на место? Особенно четыре-пять дней назад?

Она покачала головой.

– Нет.

Однако ее уверенность поколебалась, и, нахмурившись, она сказала:

– Я все время была в палатке. Но...

– Что «но»?

– Последние несколько дней чувствовался запах свежего хлеба, как в пекарне, и свет был вроде бы ярче... Но я подумала, что они, наверное, отодвинули занавески... хотя я вообще-то мало о чем думала. В смысле, я так много спала... так было лучше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.